

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Къ вопросу о происхожденіи племенныхъ названій „этруски“ и „пеласги“.

«Стану сказывать я сказки . . . ». И не пора-ли перейти къ нимъ? Не достаточно-ли пройденной нами школы, чтобы сказкамъ Геродотовскимъ придавать больше значенія въ смыслѣ реальности, чѣмъ въ теплицахъ выношеннымъ культурно-историческимъ построеніямъ?

§ 1. Въ Академію Наукъ, именно въ Отдѣленіе Историческихъ Наукъ и Филологіи, 10-го марта я вошелъ съ двумя предложеніями: одно изъ нихъ—приглашеніе удина въ помощь мнѣ для работъ по удинскому языку, другое — командировка моя для этрускологическихъ занятій въ предѣлы древней Этруріи.

Первое предложеніе также имѣетъ отношеніе по существу къ этрусскому вопросу. Я имѣю пока въ виду не столько то, что говорится въ упомянутомъ предложеніи о формальномъ средствѣ удинской рѣчи съ этрусскимъ языкомъ по образованію мн. числа¹.

Для насъ болѣе важно сейчасъ повторить здѣсь то, какъ «эмиадзинскій монахъ арменистъ Галустъ Тер-Мыкыртчянъ предполагалъ, что этіунскій языкъ имѣемъ въ халдскомъ языкѣ надписей ванскихъ царей, что въ современной удинской рѣчи—ключъ къ опредѣленію языка названныхъ эпи-

¹ Кореннымъ признакомъ мн. числа, плавнымъ показателемъ множественности, удинскій языкъ входитъ въ одинъ кругъ съ основнымъ «рейскимъ» слоємъ абхазской рѣчи (-га), со сванскимъ языкомъ (-ар) и «рейскимъ» (въ быту называемымъ ново-армянскимъ) языкомъ арменійской группы (-e-ar > -er || 1-г), и «въ кругъ яфетическихъ языковъ съ тѣмъ же признакомъ мн. числа вступаетъ и этрусскій, насколько плавный г и въ немъ появляется показателемъ множественности, притомъ чаще всего въ формѣ -иг, наиболѣе близкой къ удинской разновидности -огъ, да и безъ измѣненія въ видѣ -иг, также наблюдаемой въ нѣкоторыхъ удинскихъ формахъ мн. числа. Такіе морфологическіе факты имѣютъ быть умножены, но дѣло не въ нихъ.

графических памятников»; утверждение было несколько преувеличенное, но, будучи бесспорно фетическим, удинский язык не в столь скрещенной формации, тогда этиупский, современник надписей ванских царей и генетически явно родственный с их языком, не мог не иметь определенных отношений с языком урартского населения Ванского района, откуда урартцы были отгснены и на запад, и на сѣвер, на сѣвер именно халдами, как отгсненъ на сѣвер и удинский народъ изъ Этиупи, лежавшей въ бассейнѣ Аракса и на Севанскомъ озерѣ, въ районѣ лезгинскаго населенія, къ побережью Каспійскаго моря¹.

Наконецъ, удины для насъ важны въ качествѣ живого примѣра того, какъ историческій народъ съ высоты положенія несокрушимаго врага мірового государства могъ пасть въ ничтожество, въ населеніе двухъ селъ Бакинской губерніи, приманку сосѣдящихъ народовъ для того, происходящаго уже на нашихъ глазахъ, процесса «поглощенія», которое безслѣдно скрыло отъ насъ физически и въ живой реальности этрусковъ. Можно себѣ представить, какъ великъ долженъ былъ быть размахъ культурнаго существованія этрусковъ, оставившихъ намъ все-таки памятники и вещественные и словесные своей общественной жизни и слѣды своей жизни въ анналахъ не только сосѣдей, міровыхъ народовъ Средиземноморскаго населенія, когда похороненный безъ единой строки эпитафіи въ двухъ селахъ и заживо забытый исторією удинскій народецъ при вниманіи къ реалиямъ современной и погашей кавказской жизни вырастаетъ въ бесспорно большаго героя, творца общественныхъ цѣнностей, матеріальныхъ и духовныхъ, если не вчерашняго, то позавчерашняго дня.

Что касается предложенія объ этрусскомъ языкѣ, сводившагося къ мотивировкѣ ходатайства о командировкѣ моей въ Этрурію, то позволю себѣ повторить его здѣсь цѣликомъ съ нѣкоторыми дополнительными утвержденіями явной для непосвященныхъ въ наши матеріалы рискованности, удержавшей меня отъ внесенія ихъ въ дѣловое обоснованіе поѣздки; ей больше мѣста въ докладываемой сегодня сказкѣ.

«Въ числѣ проблемъ фетическаго языкознанія стоитъ вопросъ объ этрусскомъ языкѣ. Къ нему я подходилъ еще на студенческой скамьѣ, когда въ моемъ распоряженіи и со стороны фетидологическихъ знаній были весьма ограниченныя данныя съ кругозоромъ грузиновѣда. Затѣмъ

¹ Нужно-ли оговориться, что ассирійцы продолжали называть Урарту Ванское царство, уже халдское, по традиціи, какъ почти весь міръ до сего дня продолжаетъ называть современное населеніе Армении армянами, тогда какъ дажно въ ней мѣсто армянъ заняли хан, какъ именуютъ себя обитатели названной страны съ момента возникновенія ихъ христіанской письменности. Урартцевъ этнически надо отличать отъ халдовъ, урартцы предшествовали имъ, халдамъ, авторамъ ванскихъ клинообразныхъ надписей.

неоднократно возвращался къ нему по мѣрѣ нарастанія и теоретическихъ положеній и фактическихъ данныхъ по яфетическимъ языкамъ. Последний разъ я взялся за тотъ же вопросъ въ 1911-мъ году, когда я работалъ по командировкѣ отъ Академіи Наукъ въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ я не разставался съ нимъ, насколько позволяли другіе научныя работы и текущія занятія. Правильнѣе будетъ сказать, отвлекаемый новыми научными исканіями второстепеннаго значенія, а иногда и вовсе не научными дѣлами, я невольно возвращался къ этрусскому вопросу, какъ одному изъ основныхъ и наиболѣе существенныхъ для кавказовѣда по мѣрѣ того, какъ внутренній процессъ яфетидологическихъ занятій въ своемъ развитіи вынуждалъ ставить, независимо отъ этрусскаго, вопросъ объ этно-культурныхъ взаимоотношеніяхъ яфетическаго населенія кавказскаго края съ племенами внѣ-кавказскаго міра, не-яфетическими или яфетическими. Съ вопросомъ этимъ стоять въ связи не только хетскій и халдскій лингвистическіе вопросы, слѣдовательно, и эламскій древній и позднѣйшій, но и древности Передней Азіи, опредѣляемая часто расширенно пользуемымъ терминомъ «хетскія», а по вскрывшимся слѣдамъ ихъ вліянія въ памятникахъ матеріальной культуры Юга Россіи и Южно-русская археологія. И все-таки это нахожденіе этрусскаго вопроса чуть-ли не въ центрѣ большихъ этнологическихъ проблемъ и разнообразныхъ историко-культурныхъ научныхъ исканій могло и не вторгаться въ планъ моихъ кавказовѣдныхъ занятій, если бы не рядъ обстоятельствъ. Въ числѣ этихъ обстоятельствъ указывалось мною на то, что на смѣну «Яфетическимъ элементамъ въ языкахъ Арменіи» я приступаю къ печатанію новой серіи яфетидологическихъ работъ, въ которыхъ будутъ выясняться яфетическіе элементы въ греческомъ языкѣ. Эти мелкія лингвистическія разысканія связаны, какъ бы старательно этого не избѣгать, не только съ проблемою объ отношеніи целасговъ къ эллинамъ, но и объ образованіи вообще эллинской націи въ процессѣ скрещенія съ неаріо-европейскимъ іонійскимъ племенемъ, причемъ въ освѣщеніи яфетидологическихъ данныхъ самъ актъ скрещенія могъ совершиться на кавказской или при-кавказской почвѣ, въ томъ районѣ Черноморскаго побережья, который извѣстенъ впослѣдствіи, въ историческія эпохи, развитіемъ колониальной жизни грековъ, какъ бы обратно плившихъ къ тѣмъ же берегамъ прародины, а въ доисторическія эпохи эллинскаго національнаго самосознанія—богатымъ наборомъ мифовъ и сказаній, связывающихъ Грецію съ Кавказомъ. Предварительный серьезный пересмотръ этрусскаго вопроса настоятеленъ именно съ точки зрѣнія яфетидологическихъ знаній и наблюдений».

На кавказовѣдномъ пути яфетидолога этногенетическій вопросъ объ эллі-

пахъ въ указанной перспективѣ вырастаетъ въ зависимости отъ неустрашимыхъ матеріаловъ: какъ иначе охарактеризовать то положеніе, когда съ одной стороны племенное названіе *hau* || *qau* или съ именнымъ префиксомъ *a-qau* объединяетъ народъ, населявшій сѣверо-восточное побережье Черноморья, съ населеніемъ Арменіи и населеніемъ Греціи не по простому лишь созвучію¹, а въ связи съ лингвистическими фактами, устанавливающими наибольшую связь языковъ Арменіи съ яфетическими языками того же района — адигейскимъ, абхазскимъ и сванскимъ, съ какими у греческаго языка улавливаются очень яркіе случаи общности лингвистическаго матеріала въ такихъ словахъ, какъ гр. *ψυχή душа*, *ἀδελφός братъ* и др. Съ удержаніемъ, какъ въ этническомъ терминѣ *a-qau* (*Αχαϊοι*), адигейско-абхазскаго именнаго префикса *a-*, *ἀδελφός*, первоначально *ἀδελφεός*, основой повторяетъ адигейскій составной терминъ родства *-deh-qw*, *братъ*, собственно первую его часть *deh* ← **delh*, въ которой адигейскій спирантъ *h* находится въ такомъ же соотношеніи съ греческимъ звукомъ *φ*, какъ арм. спирантъ *h* въ словѣ *hauq отецъ* съ инд.-евр. *p* въ *patēr*². Терминъ у грековъ появляется и безъ префикса *a-*: *δέλφος*, слово же греческое *ψυχή душа*, въ которомъ лингвисты усматривали основу *ψ* съ «сравнительно новымъ образовательнымъ элементомъ *χ*», находятъ свой двойникъ опять таки въ адигейскомъ *-pse душа* и абхазскомъ *φэ* (съ префиксомъ — *a-φэ*) *душа*, причемъ признанный лингвистами индоевропейцами «сравнительно новый образовательный элементъ *χ*» есть извѣстный яфетическій функціональный согласный *q* для образованія *pl. tantum* и вообще именъ, показатель множественности *q*.

Любопытно, что въ выраженіи обоихъ понятій и армянскій языкъ проявляетъ параллельную измѣну общаеуропейскимъ терминамъ или въ матеріалѣ или въ формѣ. «Братъ» на обоихъ языкахъ Арменіи принялъ форму *e-ğbaug*, но не въ силу лишь законовъ исторической или сравнительной фонетики ариоевропейской фонетики на почвѣ Арменіи, а по адаптаціи къ народно-психологической потребности мѣстной яфетической среды со словомъ *e-qubar* || *me-qubar*, означавшимъ *брата* и сохранившимся въ сванскомъ въ рядѣ природныхъ его терминовъ сроднаго значенія, а также по

¹ Есть гипотеза отождествленія ахайцевъ съ эолийцами Hoffmann'a (см. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, стр. 70, § 74), но по этимологии Hoffmann'a *Ἀχαι-ός* = *Αἰφ'ολος* (такъ же и Fick) получается уродливая анатомія, а не лингвистическій анализъ.

² Д. Г. Лопатинскій, указавшій на созвучіе адигейскаго слова съ греческимъ, видимо, не подозрѣвалъ его составности (Русско-каб. Словарь, СМ, XII, отд. II, стр. 11). Индоевропейцы и лингвисты греческое слово готовы сопоставить (Prellwitz, Et. Wb. 1892, в. v.) съ др.-инд. *sá-garbhya-* «братъ», даже произвести отъ него (L. Meyer, Hb. d. gr. Et. s. v.: «Vom altind. gorbha-s weicht das gleichbedeutende Sefori nur im Suffix ab»).

усвоенію изъ сванскаго и въ грузинскомъ, гдѣ *me-gobaq* значитъ *товарищъ, другъ*, изъ семейнаго понятія ставъ социальнымъ. Начальный гласный въ армянскомъ *e-*, появляющійся и въ видѣ *a-*, есть не безразличная фонетическая представка для благозвучія, а яфетическій морфологическій элементъ, префиксъ *e-||a-*, равнозначущій префиксу *me-||ma-* и его многочисленнымъ разновидностямъ.

Терминъ *eğbaug братъ* по природѣ принадлежитъ, очевидно, тому изъ двухъ языковъ Арменіи, который находится въ болѣе тѣсной связи со сванскимъ, именно рейскому языку, языку Арменіи, дожившему до нашихъ дней и внѣ письменности. Основа армянскаго слова для понятія *душа* *apdë* (*apdë-ən*) есть, наоборотъ, природное достояніе именно древне-литературнаго языка Арменіи, кейскаго языка, находившагося въ особо тѣсной связи съ кейскимъ слоемъ абхазскаго: представляя форму съ абхазо-адигейскимъ префиксомъ *a-*, эта древне-литературная основа *apdë* восходитъ къ архетипу **a-mse* → **amze*, діалектической разновидности абхазскаго *a-φsə*. Какъ будто, выходитъ такъ, что звукъ *χ* въ греческомъ *ψυχῆ*, дѣйствительно, «сравнительно новый образовательный элементъ»; на яфетическомъ востокѣ въ составѣ эквивалента даннаго слова его нѣтъ, однако въ значеніи души у армянъ три слова, всѣ три яфетическаго происхожденія: одно разобранное уже нами *apdë-* (*apdën*) свистящаго типа въ обликѣ абхазо-адигейской нормы, другое, *shuŋd*, усвоенное изъ шипящей группы, слѣдовательно, или чанскаго или мегрельскаго языка, и третье изъ спирантной вѣтви *hog e/*. Въ послѣднемъ словѣ появляется въ качествѣ образовательнаго элемента тотъ-же показатель множественности *g* → *q*, разновидность греческаго *χ*, сванскаго типа, собственно спирантнаго.

Гр. *χείρ рука*, находящее соотвѣтствіе въ яфет. *qeg*, съ префиксомъ *me-* въ сванскомъ *me-qeg* *длань, рука* и т. п., причемъ въ армянскомъ древне-литературномъ съ исчезающимъ спирантомъ *heg* въ выраженіяхъ *ağ egi* *у руки, близко*, *əndəgaq* (*end-heg-aq*) *ассистентъ, букв. стоящій у руки*,— а равно у грузинъ съ утраченнымъ спирантомъ въ послѣлогѣ *-eg* (*heg || ueg*) и въ значеніи *рукой* → *орудіемъ, при помощи* и т. п. Мы отлично извѣстно, что *χείρ* діалектизовано въ рядѣ аrioевропейскихъ языковъ, далеко впрочемъ не во всѣхъ, но, во-первыхъ, и эти діалектизованныя разновидности отражаютъ соотношенія сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ, во-вторыхъ, *qeg*, resp. *qeg* представитель въ яфетическихъ языкахъ одного лишь спирантнаго типа; имѣются его сибиллянтные эквиваленты по различнымъ группамъ. Болѣе того, яфетическое языкованіе вскрываетъ, что съ *χείρ рука* въ греческомъ находятся въ связи и *χρῆ* *должно* и даже *χάρις милость*, которые индоевропейцамъ кажутся словами

различнаго происхожденія: они усвоены греческой рѣчью въ ея глотогеническую эпоху, каждое съ особымъ значеніемъ, изъ яфетическихъ языковъ, когда въ послѣднихъ они уже были семасіологически дифференцированы.

Два греческіе слова—*ῥόδον* *роза*, и *ῥοιά*, *ῥοά* *гранатовое дерево* также, предполагается, различнаго происхожденія, притомъ для *ῥοιά*=*ῥοά* объясненія нѣтъ, а *ῥόδον* склонны признать заимствованіемъ архетипа **varda*, сочиняемаго для древне-персидскаго на томъ основаніи, что въ томъ же значеніи существуетъ у армянъ *vard* и у сирійцевъ *vardā*¹, между тѣмъ и армянское, и арамейское, да и арабское *vard*, или заимствование или усвоение яфетическаго *vard*, наличнаго въ грузинскомъ и въ формѣ *vard* *шиповникъ*; корень этихъ словъ въ двухъ видахъ, стянуто-двусогласно съ губнымъ префиксомъ *ba-* || *va-* → *o-* — *gd* → *gd*, полностью со слабымъ вторымъ согласнымъ *w* — *wgd*, въ рядѣ разновидностей въ зависимости отъ той или иной характеризованности 3-го коренного, зубного *d*, по свистящей группѣ *t* → *t̥* → *ʃ* или шипящей *t* → *t̥* → *ʃ*, означаетъ *поджигать*, *раскалывать*, *румянить*, и отъ него произведены и *роза* г. *va-gd*, и *шиповникъ съ красной листвою*, — г. *bard*, и *лоза виноградная*—арм. *o-gd*, и *гранатъ*,—г. *b-rot* || *m-rot*, причемъ въ спирантной вѣтви третій коренной *t̥*, имѣвшій переродиться въ *k*—основа *gok*, долженъ былъ быть представленъ на низшей ступени исчезающимъ спирантомъ, и туда примыкаетъ, какъ представитель спирантной разновидности, греческ. *ῥοιά* || *ῥοά* *гранатовое яблоко*. Подробности жизни этого термина по исторіи культуры растений чрезвычайно интересны, интересенъ самъ возвращенный корень².

Точно также индоевропейцы лингвисты *ἀριθμός* *число* и *ῥυθμός* *тактъ*, *ритмъ*, воспринимая какъ различныя по корнямъ слова, соответственно этимологизируютъ, на самомъ же дѣлѣ это двѣ разновидности одного и того же слова, въ первомъ случаѣ съ пережиткомъ яфетическаго префикса *a-*; и греческая основа *-ριθμ* || *ρυθμ*, означающая *число*, одного происхожденія съ г. *g̊d̊w* *число*, съ раздвоеніемъ 2-го коренного *ʃ* въ *ʃq̊*.

Иное дѣло, когда приходится указывать на общность терминовъ матеріальной культуры, напр. *серебро* — *ἄργυρον* || *argentum* и *вино* — *οἶνος* || *vinum*. Но и въ отношеніи ихъ, допустимъ, поздиѣ заимствованныхъ изъ яфетическихъ языковъ, а не усвоенныхъ въ глотогеническую эпоху, мы должны сосчитать съ тѣмъ, что изъ словъ для понятія *серебро* одно —

¹ Prellwitz, Et. Wb., s. v.

² Дальнѣйшее дослѣдованіе вылить, нужно ли отказываться отъ усматриванія показателя множественности въ 3-мъ коренномъ *t̥* (ср. Н. Марръ, Яф. названія деревьевъ и растений (plur. tantum), стр. 939), но пересмотръ вопроса и переизложеніе фактовъ во всякомъ случаѣ необходимы. Кстати, надо привлечь и г. *brot*-1, завесенное въ глоссаріи Чковіею съ объясненіемъ «темнокрасный гранатъ», Беридзе — «персидскій гранатъ».

ἀργυρον связано съ яфетической лингвистической средой понтійскаго района, а другое — лат. argentum съ яфетической лингвистической средой ванскаго района, хотя оба спирантнаго типа, т. е. греки и римляне получили этотъ терминъ независимыми другъ отъ друга путями изъ различныхъ частей яфетическаго міра: греки съ его сѣвера, а латиняне съ его юга. До сего дня на сѣверѣ яфетическомъ, понтійскомъ, у герцевъ или мегреловъ, пережитковъ колховъ, и лазовъ или чановъ, одноименныхъ со сванами, сохранился терминъ типа греческой разновидности, но съ полной состава коренныхъ — *varǫǫ-ur || *varǫǫ-ir → varǫǫil *серебро*, а на югѣ яфетическомъ, у гибридизованныхъ яфетидо-аріоевропейцевъ армянъ, терминъ латинской разновидности — arǫaǫ, чистая основа котораго arǫ распространена и на яфетическомъ сѣверѣ, но при-каспійскомъ. И корень, и суффиксъ, и разновидности основы, и цѣлый рядъ яфетическихъ словъ, происходящихъ отъ того же корня, но означающихъ другія, сродныя, бытовые понятія ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія яфетическое происхожденіе этого металлургическаго термина, и вторичность формъ, въ какихъ онъ усвоенъ греками и латинянами.

Таково же положеніе съ терминомъ для понятія «вино» у грековъ и римлянъ. Греко-латинская группа здѣсь не раздваивается по источнику, оба слова, и οἶνος, и vinum — изъ одного и того же лингвистическаго района яфетическаго міра, но и здѣсь яфетическіе языки даютъ не только цѣлую семью понятій и словъ того же корня, но и эквиваленты сибилантной вѣтви, какъ напр. по свистящей группѣ tʷen *сокъ* (*сочный плодъ* и проч.). Въ кругѣ разновидностей спирантнаго типа яфетическіе языки сохранили трехсоголасіе ǫʷn: м.-ч. ǫʷn-1, картв. (груз.) ǫʷn-0, приче́мъ окончаніе -0, повліявшее на формировку основы слова у грековъ, латинянъ, да и у русскихъ, есть усѣченный видъ суффикса -0g, соотвѣтствія по другой группѣ суффикса -al, что на лицо въ сванской разновидности ǫʷn-al. И двухсоголасный корень ʷn представленъ у яфетидовъ, какъ самостоятельно, съ потерей носоваго п въ паузѣ при назализаціи гласнаго 1, такъ ч. ʷ1, уд. f1 (Д. = В. f1n-a1), удинское же ʷn-e *виноградникъ, садъ*, абх. ʷə (a-ʷə) и т. д., а съ функциональнымъ показателемъ множественности у мегреловъ ʷnəǫ-1 *виноградная лоза, виноградникъ*, у чановъ — ʷnəǫ-1 *виноградная лоза*, у картвеловъ (грузинъ) ʷəpəǫ- и *лоза*, и *виноградникъ*, у свановъ ʷəpəǫ || ʷəpəǫ *виноградная лоза* и т. д., приче́мъ я не касаюсь разновидностей съ сохраненіемъ именно перваго кореннаго, какъ напр. у чановъ или лазовъ рядомъ съ ǫʷn-1 и ǫʷn-1 *вино*, у армянъ ǫʷn-1 *вино* и aʷ-ǫ1 *виноградникъ*, букв. *мѣсто вина* или *мѣсто виноградной лозы* и т. п.

Здѣсь могла бы быть рѣчь, какъ и въ вопросѣ о «серебрѣ», о появле-

нія слова у грековъ и латинянъ и не въ качествѣ усвоенія въ этногенетическую эпоху, а какъ культурно-историческаго заимствованія. И тогда вопросъ, этруски ли, имѣющіе это слово въ своей рѣчи въ видѣ латинской формы *vinum*, и пеласги — источники этого заимствованія въ греко-римскомъ мірѣ, или другіе родственные имъ яфетическіе народы. Фактъ лишь то, что и у грековъ, и у латинянъ терминъ взятъ не только изъ одной и той же лингвистической среды, но изъ строго характеризованной слабоспирантной языковой группы яфетическихъ языковъ: были ли передатчиками термина этруски съ пеласгами или ахав или другое какое-либо яфетическое племя; естественно, это представляетъ существенной важности деталь для основной проблемы, какъ бы она ни разрѣшилась, приче́мъ въ числѣ другихъ племенъ не придется выдѣлять іонянъ особо отъ ахейянъ, насколько они носятъ разновидности одного и того же племенного названія: и на Кавказѣ шон'ы (нынѣ сваны), чаны (лазы) съ одной стороны и хон'ы || уоп'ы и hap || a-qa1 съ другой — разновидности одного и того же этническаго термина, закономерно дифференцированные по нормамъ звуковыхъ соотвѣтствій сибилантной и спирантной вѣтвей, въ каждой же вѣтви дополнительно еще по нормамъ соотвѣтственныхъ группъ, свистящей, шипящей, акающей, окающей и т. д.

Возвращаясь къ предложенію, внесепному мною въ Академію Наукъ, готовъ я повторить и болѣе сдержанную мотивировку моей командировки, именно: «произвести посильно работу по этрусскому вопросу было бы, думаю, желательно и въ томъ случаѣ, если бы мои занятія сводились лишь къ тому, чтобы расчистить путь отъ мало реальныхъ въ цѣломъ гипотезъ С. Бугге о родствѣ этрускаго съ армянскимъ или Томсена о генетической его связи съ «кавказскими» языками, если бы, вопреки ихъ взглядамъ, я приходилъ къ отрицательному вообще выводу о связи этрускаго съ яфетическими языками, но намѣчаются болѣе обнадеживающіе, положительные результаты. Работу эту хотѣлось бы мнѣ исполнить въ условіяхъ, въ какихъ обыкновенно я производилъ изысканія надъ яфетическими языками Кавказа, т. е. въ матеріальной средѣ, гдѣ или жива наблюдаемая рѣчь или налицо въ натурѣ памятники и природныя условія, въ которыхъ жила «исчезнувшій» въ своей загадочной рѣчью народъ, т. е. въ данномъ случаѣ въ предѣлахъ Этруріи на Апеннинскомъ полуостровѣ».

Будетъ теперь понятно, почему я не спѣшу сейчасъ изложеніемъ моихъ наблюденій по опредѣленію этрускаго языка и дѣлюсь лишь предположительными яфетидологическими толкованіями племенного названія *etrusk*. По части произведенныхъ въ этрусскомъ языкѣ наблюденій ограничусь заявленіемъ, что намѣтились въ освѣщеніи яфетидологическихъ дан-

ныхъ разъясненія его фонетики, морфологіи и лексики, насколько языкъ нашелъ выраженіе въ небогатой по содержанію этрусской письменности, но о серьезности успѣха въ опредѣленіи этого загадочнаго языка можно будетъ говорить лишь тогда, когда результаты наблюденій надъ этрусскими эпиграфическими текстами будутъ провѣрены или дополнены наблюденіями надъ этрусскими или иными также яфетическими элементами въ латинскомъ.

Пока, слѣдовательно, попытаемся яфетидологически истолковать терминъ *etrusk*.

§ 2. «По платю встрѣчаютъ, по уму провожаютъ». Это правило народной мудрости весьма кстати вспомнить при нашемъ заданіи. Толкованіе племеннаго названія *etrusk* можетъ имѣть всѣ видимости морфологически научно обоснованнаго и въ этой мѣрѣ убѣдительнаго положенія, но въ такомъ случаѣ признаніе яфетидологическаго анализа удачнымъ должно быть приравнено къ встрѣчѣ по платю. А чтобы стать въ уровень положенія, соотвѣтствующій моменту, когда провожаютъ по уму, надо получить оправданіе морфологическаго платя содержаніемъ термина *etrusk*, т. е. прежде всего природой и особенностями рѣчи, которой говорилъ народъ, носившій это названіе.

Вѣдь могло бы оказаться и такъ, что народъ, допустимъ, яфетическій, утративъ родную рѣчь, былъ носителемъ однихъ антропологическихъ, да развѣ еще устойчивыхъ бытовыхъ признаковъ своего происхожденія или, болѣе того, ничего не сохранилъ отъ своей предполагаемой яфетической природы кромѣ названія, но пока однако все еще существуетъ презумпція, что кавказовѣдъ-лингвистъ, слѣдовательно, яфетидологъ — ожидаемый работникъ-жнецъ для богатой жатвы кавказскихъ, собственно яфетическихъ матеріаловъ въ этрусскомъ языкѣ. Словомъ, настоящее дѣло первой очереди это — выявленіе яфетической природы этрусскаго языка. Между тѣмъ къ этой, болѣе существенной сторонѣ вопроса, мы въ освѣщеніи яфетидологическихъ знаній только идемъ, увлекаемые рядомъ фактовъ. Факты, заманивающіе въ этрусскій вопросъ, стали извѣстны независимо отъ насъ. Вопросъ, однако, чрезвычайно сложный и трудный, если даже отвѣтъ и по существу имѣетъ разрѣшиться положительно въ пользу яфетидологіи, точнѣе — въ новое бремя и безъ того обремененныхъ малочисленныхъ яфетидологовъ; онъ гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ то рисовалось тѣмъ, которые направляли дѣло или сами направлялись для освѣщенія вопроса къ кавказскому лингвистическому міру, не представляя себѣ, на какое шаткое основаніе вступаетъ изслѣдователь, выбирая для опоры своихъ утвержденій коренные языки Кавказа, яфетическіе, когда онъ беретъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они доступны для использованія безъ историческаго освѣщенія.

Справедливо писалъ еще въ 1896-мъ году англійскій этнологъ Кеане въ общемъ трудѣ своемъ по этнологіи¹: «на Кавказѣ этническія и лингвистическія взаимоотношенія представляютъ бросающійся въ глаза (marked) контрастъ тому, что превалируетъ во всѣхъ прочихъ частяхъ удѣла кавказской расы (of the Caucasian domain). Среди немногихъ сотенъ тысячъ уроженцевъ (natives) этой относительно маленькой горной страны, вѣроятно, большій запасъ (stock) языковъ, чѣмъ среди мириадъ другихъ народовъ кавказской расы (of the Caucasian peoples), разсѣянныхъ по обоимъ полушаріямъ».

§ 3. Трудность вопроса однако не столько въ многочисленности языковъ, какъ ни многочисленны они, сколько въ чрезвычайно сложныхъ генетическихъ взаимоотношеніяхъ, какъ первичнаго атавистическаго, такъ вторичнаго, третичнаго и т. д. гибридизаціоннаго порядка. Эти взаимоотношенія, результаты скрещенія, притомъ часто и съ неяфетическими племенами, сложны до степени затемнѣнія подлинной наслѣдственной природы; они покрываютъ предполагаемую чистоту или цѣльность первичныхъ генетическихъ связей густымъ слоемъ элементовъ, вкладовъ скрещивающихся племенъ и яфетическихъ различной степени родства, и вовсе не яфетическихъ. Реальное положеніе дѣла осложнено не однимъ этимъ расхожденіемъ многочисленныхъ языковъ отъ историческихъ благопріобрѣтеній, усвоенныхъ природно до степени обращенія ихъ въ протогеническіе элементы наравнѣ съ первоприродными для данной рѣчи элементами. Расхожденія яфетическихъ языковъ выявляются и отъ ихъ принадлежности въ наличныхъ формаціяхъ различнымъ періодамъ и эпохамъ языкового творчества. Есть въ однихъ и тѣхъ же языкахъ пережитки первичныхъ языковыхъ формацій или какъ реликтовые явленія или какъ позднѣйшія усвоенія въ процессѣ скрещенія съ сосѣдними языками полностью соответственнаго реликтоваго типа. Но есть, что особенно смущаетъ въ первый моментъ, такіе языки, замершіе въ стадіи первичной формаціи и дальнѣйшее свое развитіе получившіе, каковы бы ни были новообразования, въ рамкахъ общихъ нормъ ихъ реликтовой природы. Надо себѣ представить, каковы должны быть расхожденія, когда рѣчь объ оторванныхъ отъ яфетической массы Кавказа отдѣльныхъ племенныхъ языкахъ, въ числѣ ихъ и этрусскомъ, если онъ дѣйствительно яфетическій. Одинъ пройденный имъ путь, совершенный не наѣзднически, а длительнымъ миграціоннымъ путешествіемъ черезъ разноплеменную среду, не могъ не наложить на него особаго отпечатка со внесеніемъ гетерогенныхъ элементовъ, и на содержаніе этрусской племенной единицы, и на ихъ названіе.

¹ Ethnology, Cambridge 1896 (2-ое пересмотрѣнное изданіе), стр. 415.

Естественно при такихъ условіяхъ, если въ наукѣ, стоящей, увы, далеко отъ кавказовѣдныхъ работъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій, даже кавказскіе языки представляются лишь территоріально объединенными, безъ всякихъ узъ родства. Въ общей наукѣ, не отказывающейся ссылаться на кавказскіе лингвистическіе матеріалы, представленіе о положеніи дѣла адекватно той застывшей простотѣ, какую являетъ Кавказъ при взглядѣ на него черезъ призму свѣдѣній письменныхъ источниковъ, классическихъ и восточныхъ, тогда какъ непосредственное вхожденіе въ живую этно-лингвистическую среду вскрываетъ передъ нами картину бурныхъ и мирныхъ передвиженій, перебросовъ, вклиненій, разрывовъ, сѣпленій, ярусныхъ нахожденій одного племени на другое, одного языка на другой, сліяній и т. д. Съ такимъ лингвистическимъ матеріаломъ, при отсутствіи историческаго освѣщенія, можно доказать, что угодно, и тѣмъ хуже для положеній, которыя выставляются съ опоромъ въ этихъ матеріалахъ, принимаемыхъ за нѣчто опредѣленное и прочное, тѣмъ болѣе основанія относиться скептически къ такимъ положеніямъ, вырабатываемымъ наѣзднически.

Но и простой, казалось бы, вопросъ о терминѣ вовсе не такъ простъ и легокъ, какъ то можетъ представиться при первомъ взглядѣ и какъ то рисовалось въ первый моментъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставленный вопросъ о происхожденіи термина *etrusk* имѣлъ одно лишь рѣшеніе съ точки зрѣнія яфетидологіи. Учитывая накопленіе яфетидологическихъ знаній съ того времени, мы вынуждены изложить три возможныхъ рѣшенія, включая одно прежнее.

§ 4. Разъясненіе поставленнаго въ заданіи вопроса гипотетическое. Объ яфетическомъ происхожденіи термина *etrusk* рѣчь можетъ быть только въ томъ случаѣ, если не только этруски были яфетиды, но и сосѣдвшіе съ ними народы, хотя бы еще одинъ изъ нихъ. Необходимая предпосылка для яфетидологическаго анализа это то, что на Апеннинскомъ полуостровѣ яфетиды были первыми насельниками въ составѣ различныхъ племенъ, каждое со своимъ названіемъ, по крайней мѣрѣ они въ такомъ разноплеменномъ составѣ были вклинены въ аrioевропейское населеніе края съ сѣдыхъ временъ этногенической эпохи, или терминъ привезенъ извнѣ. Естественно, никакое яфетическое племенное названіе не могло возникнуть въ средѣ аrioевропейцевъ. Съ другой стороны, интересующій насъ народъ, извѣстный другимъ, да и намъ подъ названіемъ этрусковъ, самъ себя именовалъ *gasna*, съ бѣглымъ *e*, почему Р. падежъ — *gasnal*.

Нельзя допустить, чтобы первобытный цѣльный по единому, племенному составу народъ называлъ себя двумя названіями. Такъ какъ *etrusk* морфологически еще болѣе поддается яфетидологическому анализу, объ

аріоевропейской же его этимологіи нѣтъ и рѣчи, то или этруски имѣли въ Италіи сосѣдей яфетидовъ, названіе которыхъ переносили на самихъ подлинныхъ этрусковъ, или этруски въ племенномъ своемъ составѣ представляютъ сліяніе двухъ народовъ, каждаго съ его названіемъ; это—независимо отъ того, имѣемъ ли въ *rasena* и *etrusk* два совершенно различныхъ названія или двѣ разновидности одного и того же названія. Здѣсь слово есть вещь, предметъ, хотя бы одушевленный предметъ, и особый этнической терминъ говоритъ объ особомъ племени рядомъ съ этрусками или въ составѣ самого этрускаго народа, въ какой бы степени родства они, оба племени, ни состояли другъ съ другомъ, хотя бы въ степени родства племень, говорящихъ на двухъ нарѣчіяхъ или говорахъ одного языка¹.

§ 5. Если подойти къ термину съ кругозоромъ перваго впечатлѣнія отъ внѣшняго вида и грубо морфологически, то оба термина имѣютъ лишь одну общую черту, оба представляютъ, какъ то полагается для яфетическихъ этническихъ терминовъ, форму мн. числа, также яфетическую—*k* и *-en*—*Etrusk-k* || *Ras-en-a*. Чередованіе этихъ именно *-k*, *gesp. -q* и *-en* мы наблюдаемъ у яфетидовъ не только при разныхъ племенныхъ названіяхъ, но и въ одномъ и томъ же, напр. названіе племени гугаровъ—*gug+ag-q*, какъ его называли армяне, и *Gog+ag-en-e*, какъ то сохранили греки, или названіе населенія Этіуіи—*Uti-q* (|| *Ute-q*), какъ его называли армяне и *Ot-en-e* (←*Ote-en-e*), какъ то сохранили греки и римляне².

§ 6. Намъ важно тутъ же отмѣтить, что эти окончанія изъ показате-

¹ W. Max Müller можетъ имѣть серьезныя культурно-историческія основанія утверждать, что по его мнѣнію «невозможно различить настоящихъ этрусковъ—какъ *Rasena* въ *Rasena*, вселившихся волякъ—какъ тирсеновъ, *Tursener*» (с. с. стр. 382, пр. 1), но этимъ вовсе не предрѣшается этнологическій вопросъ о племенномъ составѣ этрускаго населенія, связанный съ фактическимъ наличіемъ двухъ названій. Другое аподиктическое утвержденіе В. Макса Мюллера—«національное названіе *Raséna* (Dion. Hal. I, 80, и надп.) никомъ образомъ не отличается отъ названія *Etrusci*—мы готовы были-бы принять, поскольку интересъ нашъ ограничивался-бы вопросомъ объ единомъ національномъ содержаніи термина. Но Максъ Мюллеръ имѣетъ въ виду и формальное тождество двухъ терминовъ, имѣющее существенное значеніе уже для этнологическаго вопроса объ этрускахъ, а такое утвержденіе есть уже предвзятое отрицаніе очевидности, существованія двухъ формально совершенно различныхъ терминовъ—*E-trus-ci* и *Rasena*. Максъ Мюллеръ это знаетъ прекрасно, обосновывая свое мнѣніе о тождествѣ двумя новыми утвержденіями, будто различіе лишь въ томъ, что «отпалъ начальный слогъ *Tū* (ср. O. Müller, II, 747)» и «сосѣдніе народы, какъ то часто бываетъ, сохранили болѣе древнюю форму» (*Tusci, Tursce, Turs-ener, Турручи*). Но это есть лишь поясненіе мнѣнія, которое надо доказать, а нисколько не доказательство или основаніе. Въ стихахъ 1013—1015, правда, вставочныхъ, творенія Гесіода *Theogonia* этнической терминъ *Τυρσῶν* обнимаетъ этрусковъ и латинянъ (*Herbig, Sopra la profezia degli Etruschi*, стр. 136). Въ связи съ этимъ любопытно отмѣтить пережитокъ племеннаго названія этрусковъ *tusc* въ наименованіи древняго города *Tusculum* въ *Лациумѣ*.

² *Sop-en-e* || *Tof-q* и др. Существа не касается то, что въ этомъ языкѣ Арменія показатель множественности функціонально получилъ значеніе суффикса им. падежа мн. числа, но потомъ въ другихъ падежахъ мн. ч. его замѣняютъ соответственныя падежныя окончанія.

лей множественности *k*, *p*, съ огласовкой *ли* (-*en*) или безъ огласовки (-*k*), одинаково вторичнаго періода въ развитіи яфетическихъ языковъ, именно флективного. Никакихъ признаковъ первичнаго періода—агглютинативнаго, существовавшего при родовомъ строеѣ и отражавшаго его въ морфологіи языка, когда вместо служебныхъ суффиксовъ (-*k*, -*en*) у яфетидовъ были служебныя слова (*kim* || халд. *qim* *сынъ*, [или **kev* || *qev* *женщина?*], *men* || *ven* *сынъ* и т. п.). Слѣдовательно, этруски вселились въ Италію уже какъ національно сложившійся народъ съ социальнымъ строемъ историко-культурнаго періода.

§ 7. Намъ нѣтъ надобности останавливаться сейчасъ на звукѣ *k* и его разновидностяхъ, какъ яфетическихъ показателей множественности: это составляетъ уже часть элементарныхъ свѣдѣній по яфетическому языкознанию, многократно повторявшихся въ различныхъ уже печатныхъ работахъ. Также повторно, до степени злоупотребленія вниманіемъ читателей и слушателей, сообщалось при каждомъ случаѣ, что показатель множественности *k* и его родня используются въ качествѣ суффиксовъ въ яфетическихъ названіяхъ народовъ. Въ рабочемъ проспектѣ по изученію племеннаго состава второй выпускъ посвященъ специально классификаціи яфетическихъ показателей множественности, какъ функциональных согласныхъ въ образованіи этническихъ названій, въ числѣ ихъ и интересующій насъ рядъ $k \leftarrow g \leftarrow q$, а равно и q^1 . Онъ же, этотъ заднеязычный рядъ, всплываетъ въ перечнѣ различныхъ образованій мн. числа, когда яфетическіе народы распределяются по нимъ въ работѣ о происхожденіи термина «скивъ»².

Съ давнихъ поръ, тѣмъ болѣе въ новѣйшее время, въ XIX в., когда началась хоть кое-какая регистрація фактовъ живой рѣчи безписьменнаго многоязычнаго Кавказа, въ интересующихъ насъ языкахъ, яфетическихъ, мы имѣемъ уже скрещенные или гибридизованные типы, и потому характерные признаки языковъ-примитивовъ приходится искать и не въ природной ихъ средѣ въ связи съ элементами, вносившимися въ тотъ или иной языкъ въ итогѣ скрещенія и образующими въ нихъ иногда цѣлые гетерогенные слои. Но все-таки въ отношеніи заднеязычнаго показателя множественности замѣчается, что его разновидности представители объединяютъ часть сѣверно-кавказскихъ яфетическихъ языковъ, въ числѣ ихъ частично и сванскій и особенно абхазскій, съ однимъ изъ двухъ яфетидоидныхъ языковъ Арменіи, именно древне-литературнымъ, потому именно называемымъ «кейскимъ». Языки сибилантной вѣтви яфетической семьи, нынѣ занимающіе

¹ Н. Марръ. Кавказскія племенные названія и мѣстные параллели.

² Н. Марръ. Яфетическая этимология термина «скивъ» (памяти В. Ф. Миллера), работа, ждущая очереди для печатанія въ Мат. по яфет. языкознанию.

курный бассейнъ и южную часть понтийскаго района, совершенно чужды этого вида показателя множественности: ни въ грузинскомъ, ни въ мегрельскомъ, ни въ чанскомъ (лазскомъ) его нѣтъ.

Въ кругѣ языковъ, въ той или иной мѣрѣ раздѣляющихъ образованіе мн. числа съ помощью заднеязычнаго согласнаго, одинъ, именно сванскій, проявляетъ особенность въ производствѣ мн. числа и съ префиксомъ: у него всплываетъ своего рода, извѣстное изъ арабскаго языка, семитическое «ломанное» мн. число. Но въ линіи ѳетидологическаго освѣщенія это собственно префиксовое образованіе отвлеченныхъ понятій, собирательныхъ именъ, равно именъ мѣста и т. п. При этомъ одновременно съ префиксомъ основа принимаетъ тотъ или иной суффиксъ мн. числа или обходится безъ него. Префиксы эти звучатъ различно въ отношеніи согласныхъ въ зависимости отъ вѣтви сибилантной двухъ типовъ, свистящаго — $s \nearrow t \rightarrow \check{d} \rightarrow \check{d} \parallel$ шипящаго — $ш \nearrow t \rightarrow \check{d} \rightarrow \check{d}$, при нехарактеризованности — одинаково $t \rightarrow \check{d} \rightarrow \check{d}$ съ послѣдней и плавной ($n \rightarrow l$) или спирантной ($h \parallel f \rightarrow$), равно въ отношеніи гласныхъ (свист. а || шип. о || сван. е). Въ связи съ этимъ г. Sa-qaqθ-vel-o (←*Saqaqθvel-or) *Грузія* собственно означало *грузины*, букв.: *картовелы*, Sa-ƒrang-eθ *Франція*, букв. *франки*, la-z (изъ св. la-zep) *лазы*, букв. *заны*, *чаны*¹, арм. E-geг *Мегрелія*, букв. *геры*, г. E-gr-is *Мегрелія*, *мегрелы*, букв. *геры*, св. Le-ƒju-m *Лечхум* (область въ Кут. губерніи, смежная съ юга со Сванією, «чхуи»², Lāpθ (→la-w-шq) *Лашх* (область Цхенисцхальской Сваніи), *страна меховъ*, букв. *мехи* или *мошохи*. Конечный согласный въ послѣднемъ терминѣ одна изъ разновидностей заднеязычнаго показателя множественности, функціонально вошедшая третьимъ согласнымъ въ составъ корня племеннаго названія: m-ш-q || w-ш-q; тотъ же корень въ XI-мъ вѣкѣ до Р. X. на югѣ Ванскаго озера звучалъ m-ш-k, какъ то явствуетъ изъ передачи въ ассирійской надписи — mшk. Въ исходѣ термина etrus-k (Etrusci) мы имѣемъ этотъ же ѳетическій показатель множественности, если вообще дѣло имѣемъ, какъ то предполагается, съ ѳетическимъ матеріаломъ. Когда у грековъ находимъ вмѣсто глухого k звонкій g (γ) или аффрикатъ средней звонкости q (χ), то это отнюдь не есть греческое искаженіе, а лишь воспроизведеніе греками соотвѣтственнаго по эпохѣ или диалекту согласнаго изъ того же заднеязычнаго ряда, въ ѳетическихъ языкахъ, впрочемъ, представленнаго болѣе богато: простой рядъ — k → g → q || аффрикатный — k → q̄ → q̄. Потому то у грековъ оказывается иногда передача звонкимъ g, когда въ кавказскихъ матеріалахъ мы встрѣчаемъ k или

¹ Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ (араб. версія), Спб., 1905, стр. 166.

² Н. Марръ, ѳетическое происхожденіе термина «скиошь».

даже лишь *q*, напр. еще, какъ ни разъ приводилось, при груз. афразъ изъ *a-bas-*q* греч. a-baz-g (Ἀβάσγοι, причемъ греки сохранили этотъ терминъ и съ глухимъ *k*: Ἀβάσσοι). Такое же передвиженіе глухого *k* въ звонкій *g*, происшедшее, по всей видимости, еще на яфетической почвѣ, имѣемъ и въ *relas-g* ← **relas-k*, откуда греч. Πελασ-γός, Πελασ-γ-οί, Πελασ-γ-ία и т. д.

Слѣдовательно, при такомъ толкованіи чистая основа въ названіи одного народа есть *relas-*, но въ названіи другого народа, помимо суффикса *k*, по отвлеченіи котораго получаемъ тему *Etrus-*, имѣется префиксъ съ перваго взгляда легко дающійся выдѣленію, именно *e-*. Префиксъ *e-* есть эквивалентъ префикса по сибилантной вѣтви *si-* || ше-, и въ немъ утраченъ спирантъ *h*, слѣдовательно, видѣ, въ какомъ терминъ появляется въ формѣ названія страны у Арнобія — *Netruria*¹, лишь поддерживавъ бы такой анализъ, представляя въ сохранности первичное состояніе префикса спирантной вѣтви *he-*, тогда какъ и на Кавказѣ спирантъ успѣлъ въ большинствѣ исчезнуть въ томъ же префиксѣ, особенно въ племенныхъ названіяхъ или отражающихъ ихъ названіяхъ странъ — *E-gr-is*, *E-gush-eo* и т. п. При выдѣленіи префикса въ такомъ видѣ чистая основа получается *trus-*.

§ 8. Основа *trus-* имѣетъ параллель въ *turs* || греч. *τурс-* (*Τουρσηνός*) и въ то же время у римлянъ находимъ разновидность *tus-* (*Tusci*) — *vicus Tuscus село этрусское*, съ изображеніемъ бога *Vertumnus, улица этрусковъ*, *Mare Tuscum этрусское море*². Отсюда и ит. *Toscana*. По всей видимости, дѣло имѣемъ съ утратой плавнаго *г*, но если основу *turs-* признать архаичной сравнительно съ *trus-*, то съ точки зрѣнія яфетической фонетики можетъ возникнуть мысль, что *г* есть нарость, обычный въ яфетическихъ языкахъ передъ сибилантами. Въ такомъ случаѣ чистая основа звучала бы *tus*, и въ ней мы могли бы имѣть то племенное названіе, которое безъ всякаго показателя множественности въ видѣ *gush* (← *tush*) носятъ современные намъ горцы — тушины, въ древности по свидѣтельству Птолемея именовавшіеся *tus-k'*ами (*Τούσσοι*), арм. *Өш-q*, т. е. названіемъ отъ той же основы въ формѣ мн. числа на *k*, а еще раньше населявшіе югъ Арменіи въ бассейнѣ Ванскаго озера, гдѣ то же этническое названіе съ губнымъ показателемъ множественности *p* при ванскихъ царяхъ носятъ городъ *Тш-ра*, ихъ резиденція на берегу озера, а позднѣе у армянъ — *Tos-r*.

Ванскій районъ и сѣвернокавказская полоса одинаково приемлемы

¹ Adv. gent., VII, 26.

² Сюда же относится, какъ будто, названіе древняго укрѣпленнаго города *Tusculum* въ Лациумѣ, но объ его происхожденіи дѣлсообразнѣе говорить одновременно съ происхожденіемъ термина *Latium*, населеніе котораго (*Latini*), по сказанію, возводится къ автохтонамъ оскамъ вмѣстѣ съ сикулами и пеласгами.

пункты отправления для яфетидовъ, выходцевъ изъ Азіи на Апеннинскій полуостровъ, но реальныхъ данныхъ въ пользу отождествленія этрусковъ съ тусками у насъ нѣтъ, нѣтъ даже топографическаго свидѣтельства въ географической номенклатурѣ о посредствующемъ этапѣ въ движеніи тусковъ въ Этрурію, не говоря и о фонетическихъ затрудненіяхъ примирить всѣ производныя формы съ архетипомъ основы tus-.

§ 9. Выдѣляя тотъ же префиксъ e- (←he) въ Etrus, если приоритетъ древности признать за разновидностью основы trus, мы не досчитываемся ея эквивалента въ племенныхъ названіяхъ яфетическихъ народовъ Кавказа и прилежащихъ странъ, но въ яфетическихъ языкахъ этого основного нынѣ яфетическаго района есть матеріалъ для истолкованія упомянутаго племеннаго названія, какъ нарицательнаго слова.

Названія народовъ даже безспорно яфетическихъ далеко не всегда удастся истолковать семасіологически. Пока намѣчены лишь нѣкоторые общіе принципы, вліявшіе на возникновеніе того или иного нарѣчія: въ кругу яфетическихъ народовъ въ творчествѣ этническихъ терминовъ руководились названіемъ племеннаго бога, которому народъ поклонялся, связаннаго съ нимъ или, вѣрнѣе, неотдѣлимаго отъ него животнаго, тотема и т. п. Съ другой стороны, не разъ въ качествѣ племеннаго названія у яфетидовъ всплываетъ слово, означающее «человѣкъ» («дѣтя», «отроки», «люди»), хотя и въ такихъ случаяхъ возникаетъ вопросъ, не потому ли названіе того или иного народа тождественно съ понятіемъ «человѣкъ» или его разновидностями, что въ религіозномъ сознаніи даннаго этническаго объединенія «человѣкъ» успѣлъ занять мѣсто тотема божества, мѣсто животнаго-божества. Конечно, мы не имѣемъ основанія исключать возможность, что иногда на возникновеніе племеннаго названія вліяло и ремесло, которымъ занимались. Лично я далекъ отъ мысли пользоваться при толкованіи интересующаго насъ названія случайно сложившимися благоприятно обстоятельствами, чтобы въ названіи этрусковъ усмотрѣть указаніе ихъ отличительнаго ремесла, но дѣйствительно легко дается такое его толкованіе, и оно, пожалуй, можетъ показаться заманчивымъ.

Существуетъ такъ называемый возвращенный корень trs, съ функциональнымъ начальнымъ согласнымъ t, пережиткомъ зубнаго префикса, эквивалента губнаго префикса p. Архетипъ корня пустой: по свистящей группѣ — gws, въ подъемѣ gwt→gwd, уже извѣстный намъ по произведеннымъ отъ него названіямъ растенія — «розы», въ частности и плодового дерева — «граната». Возвращенный корень trs сохранился какъ безъ всякаго измѣненія, такъ съ подъемомъ s въ рядъ t→*d→đ по свистящей группѣ, въ d по щиплящей, притомъ въ чистыхъ яфетическихъ съ удержаніемъ сла-

баго коренного w въ составѣ огласовки, гдѣ съ гласнымъ характеромъ е онъ сливается въ u, такъ: г. trusa→trūḍa *онъ намилъ*, т. е. съ функциональнымъ первымъ согласнымъ та же основа, что въ глаголѣ по шипящей группѣ trūḍa *онъ намилъ*. Тотъ же возвращенный корень въ яфетидномъ др.-литер. армянскомъ языкѣ въ видѣ ʒḡt̄ лежитъ въ основѣ глагола ʒəḡt̄-el *обжигать* (кирпичъ, глиняную посуду и т. п.). Отъ параллельнаго также возвращеннаго корня, но съ губнымъ функциональнымъ согласнымъ вѣсто зубного — b-ḡwt̄ (←b-ḡwt̄)→bḡwḍ: въ грузинскомъ bḡwḍ-a или bḡwḍ-1-an-1 *слепой*, букв. «съ сожженными глазами» (равно bḡwt̄-an-1 *косой*), въ армянскомъ, да и въ грузинскомъ¹, по заимствованію изъ армянскаго, brut *гончаръ*, букв. *обжигатель*. Соответственно и trus, основа глагола trusa→trūḍa, помен actoris по формѣ q̄wep (*ḡwesp, *ḡweḍ), можетъ означать *обжигателя, гончара*.

Слѣдовательно, нашъ загадочный народъ по этой этимологіи назывался бы по ремеслу trus'ами или trusk'ами, т. е. племенемъ *гончаровъ*, какъ прославленный гончарь-обжигатель, какъ племя хат' *ἔξοχήν* занимавшееся гончарнымъ дѣломъ.

§ 10. Однако, помимо того, что не всегда самое простое рѣшеніе есть и самое правильное и, что важнѣе, дѣйствительное, съ префиксомъ въ комплексѣ etrusk требуется особая осторожность. Мы видѣли, что въ яфетическихкихъ языкахъ префиксъ съ огласовкою е, какъ и его эквивалентъ, имѣя разнообразное значеніе, появляется и съ согласными элементами. Въ числѣ согласныхъ элементовъ по фактическому положенію въ гибридномъ представителѣ спирантной вѣтви—имѣемъ п→l, слѣдовательно нашъ префиксъ въ этой лингвистической средѣ звучитъ ne→le-, а при общесванскомъ чередованіи l съ d мы не могли бы исключать возможности существованія того же префикса въ видѣ de-, если уже не имѣемъ его фактически въ сванскомъ же словѣ de-ḍ *небо*². Но нѣтъ и надобности съ этой стороны подходить къ оправданію зубного префикса, въ частности въ формѣ te- || t̄i-. Это лишь одна изъ подробностей ряда префиксовъ сибилантной вѣтви, когда зубной не охарактеризованъ: языки шипящей группы его теперь представляютъ звонкимъ эквивалентомъ *de- || d̄i-.

Разъ въ формѣ съ префиксомъ etrusk, какъ это было разъяснено, семасиически насъ интересуетъ его множественность и участіе въ ея выраженіи и префикса, не можемъ не обратить вниманія на то, что зубной звукъ

¹ Орб.: «brut-1—гончаръ (ше-кеḍ-е)», у Ч² его нѣтъ.

² Сомнѣніе въ правильности такого толкованія начальнаго слога de- возникаетъ отъ грузиновѣдной точки зрѣнія, по которой сванское de- въ приведенномъ словѣ представляется соответствіемъ грузинскаго ze- *верхъ* въ составѣ грузинскаго слова ze-ḍa *небо* (ḍa также *небо*), но грузинскому ze *верхъ* въ сванскомъ соответствовать j̄.

есть яфетическій показатель множественности не только въ именахъ, но и въ глаголахъ, и именно глухой его представитель t, напр., въ грузинскихъ глаголахъ образовывалъ особую породу, по значенію учащательную или энергичную, придаваясь къ корню въ качествѣ функциональнаго согласнаго или съ конца, напр. *ṭugeta wivatsya wzoromz* (отъ √ *ṭwt бытъ прозрачнымъ, видимымъ*), или съ начала, напр. *t-kwega wryzty* (отъ √ *kwg кусать, разновидности kwn || kbn* отсюда и *зубъ kbil ← *kbin*). Этотъ первичный глухой представитель зубного d, нынѣ наличнаго въ нашемъ префиксѣ *de- || dī- у мегреловъ и чановъ, пережиточно могъ сохраниться и позднѣе въ диалектическихъ районахъ съ мутуаціею, и любопытно отмѣтить, что такіе диалектическіе районы наблюдаются у сѣверянъ—свановъ и южанъ—армянъ, для предмета нашего вопроса объединяющихся въ весьма существенной для него роли.

Въ лентехскомъ нарѣчій самого сванскаго языка этотъ зубной видъ интересующаго насъ префикса подлежалъ возвратному перерожденію въ te- и въ томъ случаѣ, если исторически ему слѣдовало-бы звучать de-. Еще болѣе иллюстрирована была бы судьба вообще всего занимающаго насъ термина съ его нынѣ распознаваемымъ префиксомъ въ армянской лингвистической средѣ кейскаго типа, типа древне-литературнаго армянскаго языка, характеризуемаго тѣмъ заднеязычнымъ показателемъ множественности q, который черезъ звонкій g восходитъ къ архетипу k. Здѣсь префиксъ te- не только продолжалъ бы звучать te- или, по царящему въ немъ закону мутуаціи, подвергся бы возвратному перерожденію въ te-, если бы его нормальный звуковой обликъ вездѣ былъ de-, но далъ бы неизбѣжно примѣръ перестановки te- въ et-: въ этой лингвистической средѣ, связанной органически съ территоріею бассейна Ванскаго озера, имѣется тенденція перемѣщать гласный на первое мѣсто, гласный звукъ въ группѣ предпосылать согласному, такъ *ezg край* вм. *zer (|| *ṭayg [→ter]*, г. *ṭwer*), *etḡ мѣсто* вм. *teḡ* или *teḡi*. Въ послѣднемъ словѣ подозрѣвается именно нашъ префиксъ et ← te-: основа *ḡi*, эквивалентъ грузинскаго *gī* *стоитъ, находится*, есть остатокъ трехсогласнаго корня *gwm* || сем. *ḡwm*, въ грузинскомъ употребительнаго съ тѣмъ же зубнымъ префиксомъ d-: *d+goma* (*d+gwm-a*) *стоятъ*: арм. *teḡi*, равно *et-ḡ* значить *устой, стоянка → мѣсто*. Въ освѣщеніи какой бы исторіи ни разъяснять терминъ *etrusk*, мы не можемъ замалчивать возможности признанія въ его основѣ *etrus-* префикса не e-, а et ← te-. При такомъ толкованіи прототипомъ разновидностей основы въ этническомъ терминѣ, отождествляемыхъ съ основой *etrusk*, явилось бы *Te-rus-~Et-rus-*, а съ перестановкой гласнаго и въ группѣ основы *rus-~Et-rus*, и затѣмъ отъ перваго вида основы съ показателемъ

множественности k — Et-rus-k, отъ второго вида съ окончаніемъ мн. числа -en и потерю гласнаго въ неударномъ слоgѣ¹ — Turc-ην-ός (← Et-urs-en)².

Перерожденіе ρσ въ ρ̄ρ мы имѣемъ и въ срѣдномъ по основѣ греческомъ терминѣ Тур̄ρ̄ηνός изъ Турσηνός. Это перерожденіе группы гσ въ греческомъ словѣ можетъ, понятно, имѣть обоснованіе на почвѣ греческой фонетики, но надо имѣть въ виду, что въ яфетическихъ языкахъ одно изъ нормальнѣйшихъ явленій чередованіе s съ г и по сравнительной (s||r) и по исторической (s→r) фонетикѣ, и во всякомъ случаѣ, напр. для самой основы Etrug — въ географическомъ терминѣ Et-rug-1-a нѣтъ надобности прибѣгать къ аналогичнымъ явленіямъ въ греческомъ или латинскомъ. Это — то же самое явленіе, какое наблюдаемъ въ опредѣленныхъ лингвистическихъ районахъ яфетическаго міра въ терминахъ Агагат вм. *Агагат, Угурда и Угарт вм. *Угурда и Угарту и въ десяткахъ, если не въ сотняхъ простыхъ словъ, впоследствии и въ аrioевропеизированныхъ языкахъ Арменіи, въ которыхъ самъ законъ пережиточно сохранился еще долго. Если этимъ фонетическимъ явленіемъ пользоваться для этнологическихъ выводовъ, то развѣ въ порядкѣ установленія, что вообще латинской рѣчью на Аненинскомъ полуостровѣ, какъ армянами на Кавказѣ, отъ яфетидовъ была унаслѣдована въ той или иной степени фонетическая система соотвѣтственнаго круга яфетическихъ языковъ, и въ ея составѣ наше звуковое явленіе.

Въ образованіи Etruria вм. *Etrusia для насъ цѣннѣе въ яфетидологическомъ отношеніи то, что народъ, въ устахъ котораго возникала эта форма, еще, слѣдовательно, сознавалъ, что k въ основѣ Etrusk есть дополнительный элементъ, суффиксъ. Поэтому приходится считаться и съ тѣмъ, что нѣтъ надобности и самую форму географическаго термина на -1a объяснять непременно изъ аrioевропейской морфологіи. Не только I-beg-1-a || I-veg-1-a, но рядъ названій странъ или населенныхъ пунктовъ Кавказа, отложеній племеннаго названія ихъ населенія, въ яфетическихъ языкахъ проявляютъ суффиксъ -1a, имѣющій свою особую исторію, какъ то Gur-1-a, Be-d1-a (← Be-d1-1-a) и др. Поскольку въ греческихъ легендарныхъ сказаніяхъ о Кавказѣ имѣемъ отложеніе мѣстныхъ терминовъ, и въ мѣстности А-1a сказанія аргонатовъ, вѣроятно, предлежитъ та же форма названія страны. Звукъ a во всѣхъ ихъ — остатокъ окончанія мн. числа an (флективного періода), въ свою очередь трансформациі служебнаго слова -van *сынъ*, сочетавшагося съ префиксомъ 1, мѣстоимѣніемъ (изъ агглютинативнаго періода),

¹ Опять-таки по фонетической нормѣ др.-л. армянскаго языка см. Н. Марръ, Грам. древне-арм. яз., § 68.

² Конечно, можетъ быть возбужденъ вопросъ, не состоялъ-ли префиксъ въ послѣднемъ случаѣ отъ начала изъ одного согласнаго звука (t-)?

какое слово въ свою очередь и въ формѣ -ва (иногда и van), и въ формѣ -а массово налично въ фамильныхъ названіяхъ Мегрелии, какъ Akigta-va; Aq̄q̄aza-va, Faḡa-va, Gabun-1-a, Dad-1-a (|| Dadı-an), Q̄ostar-1-a¹ и т. п.

Эта форма фамильныхъ образованій у мегреловъ неразрывно связана въ свою очередь съ образованіемъ такихъ племенныхъ названій у абхазовъ, какъ а-гг-ва *мегрелы*, а-ф̄с-ва *абхазы*, а-q̄eḡe-ва *грузины*, букв. «карт-велы» и т. п. Для насъ сейчасъ интересенъ примѣръ съ Be-dı-a (←Be-dı-ḡ1-vʹan) по другому основанію, именно по наличію въ немъ префикса be-, имѣющаго въ яфетическихъ языкахъ исторію me- || re- / be- → fe-. Это образовательная частица, эквивалентная разобранному уже въ той же цитованной работѣ префиксу ma- въ ma-gog, въ образованномъ изъ gog и т. п. Чередованіе me || ma- наблюдаемъ въ этническихъ терминахъ me-gr-el || ma-gal, изъ которыхъ послѣдній въ письменной традиціи классиковъ по опискѣ обращенъ въ Μαγραλοι, а въ устахъ самихъ мегреловъ по природной для ихъ рѣчи закону перемѣщенія — ma-gal. Чередованіе re- || ra- въ числѣ прочихъ наблюдается въ разновидностяхъ съ префиксомъ племенного названія ḡep (вм. ḡep) || ḡan, перенесенныхъ по наслѣдству на Кавказѣ отъ яфетидовъ на турокъ: это хорошо извѣстный терминъ re-ḡep-eg (→re-ḡep-eg) || ra-ḡan-ak (ra-ḡan-ag) и т. п., проявляющій одновременно заднеязычный показатель множественности и глухой, какъ etrus-k, и звонкій g, какъ relas-g.

Въ Be-dı-a основа племенного названія—dı←ḡ1- || ḡ1-, которую мы имѣемъ въ различныхъ формахъ мн. числа, какъ то O-dı-ш *Мегрелия*, ḡ1-q или ḡ1-q̄ *дзихи*, а-d̄e-ḡe *адыеи*, *черкесы* и т. п.² Есть основаніе утверждать, что по отвлеченіи абхазо-черкесскаго нароста а- и въ а-ba-ḡe-ḡ̄, герср. ba-ḡe-ḡ̄ вскрывается не только та же основа племенного названія ḡe || ḡ1, но и эквивалентный префиксъ ba-, причемъ этотъ префиксъ также имѣетъ исторію ma / ra→ba→fa, но и въ Be-dı-a и -ba-ḡe-ḡ̄ префиксы стоятъ на тождественной ступени звонкости (be- || ba-).

Между Be-dı-a←Be-dı-an и -ba-ḡe-ḡ̄ при такомъ освѣщеніи по существу получается лишь та формальная разница, что мн. число образовано съ помощью показателя множественности въ первомъ случаѣ -n, во второмъ -q (→k), т. е. передъ нами выступаетъ совершенно то же самое морфологическое расхожденіе, что между Turs-en (Γυρσ-ην-ός) и Etrus-k.

¹ I. Кипшидзе, Мингрельско-русскій словарь, стр. 428: «Списокъ мингрельскихъ фамилій». Въ соответственномъ выпускѣ нашей работы по географическимъ и племеннымъ названіямъ Кавказа, задерживаемомъ изданіемъ Комиссіи по изученію племенного состава Россіи, это подробно излагается.

² Н. Марръ, *Исторія термина «абхазы»* (ИАН 1912), стр. 700—701, а не разновидность baq̄ (bazg), ср. Н. Марръ, ц. м., гдѣ усѣченію подлежитъ въ такомъ случаѣ и *bdı-ḡ̄.

Я сейчас не останавливаюсь на томъ, что -an и въ яфетическихъ языкахъ по групповой перегласовкѣ свистящаго типа имѣеть параллель -en, и на тому подобныхъ мелочахъ.

Если упоминаемый въ египетскихъ надписяхъ XIII-го и XIV-го вѣковъ до Р. X. народъ Тугша имѣеть отношеніе къ этрускамъ, одного племенного съ ними происхожденія и, слѣдовательно, носить съ ними одно общее названіе, то въ этомъ египетскомъ вариантѣ рядъ исторически важныхъ особенностей: 1) въ основѣ читается шипящій ш вм. свистящаго звука — Тугша, 2) въ египетскомъ вариантѣ нѣтъ суффикса-показателя множественности, заднеязычного k, за то префиксъ показатель множественности te || ti на лицо, появляясь иногда въ первичномъ видѣ Tt-ug-sha¹. Египетская разновидность вскрываетъ, что перестановка гласнаго на первое мѣсто въ группѣ гуш весьма древнее явленіе, что оно налично было въ терминѣ еще на малоазійскомъ Востокѣ.

Независимо отъ египетскаго преданія, природность этой перестановки для малоазійскаго Востока подтверждается разновидностью того же этническаго термина Турр-β-σι, поскольку она на лицо въ составѣ племенныхъ названій населенія Лидіи. Перебой сибиланта въ спирантъ, обращающій основу турσ || тугш въ турр || турρ, resp. турh также прослѣживается, слѣдовательно, на томъ же Востокѣ. Однако и лидійская разновидность, проявляя одновременно губной показатель множественности b, не даетъ опоры для объясненія заднеязычнаго показателя множественности k, наличнаго въ терминѣ Et-gus-k. Для основы въ перемѣщенномъ видѣ ugs (урσ || ур=urh) мы получаемъ рядъ разновидностей или безъ всякаго суффикса мн. числа (Tt-ugsh-a), какъ въ египетскомъ вариантѣ, или съ окончаніями мн. числа типа губного (Турр-β-σι) и носового (Турστηνσί, Турρτηνσί, Турhenns), и этотъ рядъ характеризуетъ восточную традицію малоазійскаго юга.

Въ этомъ смыслѣ я оказываюсь поддерживающимъ какъ будто взглядъ W. Max Müller'a, который предполагалъ, что движеніе этрусковъ съ малоазійскаго Востока исключается, что этруски—европейцы, и особенности головного убора этрусковъ, объединяющаго ихъ съ лидійцами, не представляетъ противорѣчія, къ чему-либо обязывающаго, съ мыслью объ этрускахъ европейцахъ, хотя и для него также Тугш, Турστηνσί, Turσ-se тождественные термины, какъ и E-trus-ci. Главное же то, что египтологъ съ большимъ сомнѣніемъ относится къ преданію Геродота, онъ прямо-таки его отвергаетъ².

¹ LD, 209, см. W. M. Müller, Asien und Europa, стр. 379.

² Ц. с., стр. 383, и 382, пр. 1. Считаю необходимымъ привести обоснованіе таковаго крайняго скептицизма. W. Max Müller при оцѣнкѣ родства головного убора
Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV. 21

Однако еще болѣе сомнительно, чтобы отвергаемое Мах Müller'омъ преданіе, сообщаемое Геродотомъ, опиралось на какое-либо созвучіе. Едва ли есть основаніе возводить къ созвучію, когда тирсеновъ въ діаспорѣ греки (Діон. Галик., I, 25, Фукид. I, 1, Соф., Inach.) именуютъ такимъ «прэ-историческимъ» названіемъ какъ пеласги, между тѣмъ Мах Müller отказываетъ любопытному явленію въ какомъ бы то ни было историческомъ значеніи. И, наоборотъ, тотъ же Мах Müller придаетъ большое историческое значеніе единичному созвучію, когда его толкованіе можетъ лить воду на его мельницу. Я буквально повторю и это мѣсто въ аргументаціи выдающагося знатока вопроса¹:

«Вѣское свидѣтельство лежитъ въ библейской родословной таблицѣ Быт. 10,2, гдѣ сыномъ Іафета приводится טורח. Древнія преданія даютъ столько бессмысленнаго, что поражаетъ, почему мало вниманія было обращено на сравненіе этого племеннаго названія (Θίγας) Tusch съ Τυρσοῦ-οί. Это сопоставленіе можно поставить ввѣ сомнѣнія, стоитъ только Τίγας (Θεῖρας, Thigas) прочитатъ Turs, что едва ли можно счесть поправкой».

Не говоря о примитивности приѣма въ установленіи текста, Müller, очевидно, и не чуялъ, какую опасную почву представляетъ сѣверное побережье Эгейскаго моря для упрощеннаго разъясненія этнологическихъ вопросовъ. Въ полосу связи Юга съ Сѣверомъ на межѣ Европы съ Азіею и Востока съ Западомъ у Чернаго моря и Эгейскаго лежали пути всѣхъ переселенческихъ движеній, съ какой бы стороны ни шли они и куда бы ни

этрусковъ съ малоазійскимъ, необходимости признать ихъ сосѣдями ликійцевъ, пронизируютъ «натурально вспомнить о традиціи, по которой Турсен'ы должны были быть выселенцами изъ Лидіи, т. е. изъ Западной Малой Азіи (Геродотъ, I, 94), но ни въ какомъ случаѣ нельзя было думать, что древніе Турсен'ы были осѣдлы еще въ «долинѣ Каистра» при Рамзесѣ III (XIII вѣкъ) (E. Curtius, Berl. Sitzungsab., 1882, 933, до него Масперо). Турши принадлежать безусловно къ народамъ самаго дальняго Запада. Потому изображеніе выводитъ ихъ за прославленными Шардіянами и передъ малоазіатцами съ широкими коронами. Вообще вещь сомнительная, когда съ туманными тирсенами производятъ эксперименты на «лидійскомъ» (?) побережьи, опираясь лишь на случайное созвучіе въ географическомъ названіи Turgna (O. Müller, Etrusker, 80). Древніе турши, должно быть, представляли собою прославленный на морѣ народъ, чѣмъ были и италійскіе тирсены. Только на этихъ посядѣннхъ указываютъ всѣ мѣста у классиковъ, ни одного изъ нихъ при лучшемъ желаніи не могу я толковать въ смыслѣ тѣхъ «прэ-историческихъ» малоазіатовъ. Тѣ же самые тирсены, что боролись въ Сициліи съ аоніянцами (Фукид. 7, 52—54) и выставляютъ противъ фокейцевъ большое число кораблей, какъ карагеніе (Герод. I, 166) и т. д., суть тѣ, которыхъ гомеровскій гимнъ Ваху выводитъ пиратами въ Эгейское море. Что они въ Египетъ или на Кипръ сбывали рабовъ, не указываетъ, конечно, на мѣстопребываніе ихъ у Эгейскаго моря (Curtius), отправлялись же они еще ἐς Ὑπερβορέας ἢ ἕκατέρω. Какъ велико было ихъ могущество, явствуетъ изъ того, что они были въ силахъ утвердиться въ различныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ Эгейскаго моря и устоять (Гер. I, 57, Фукид. 4, 109), чтѣ равнѣе случилось ивно чаще».

¹ Ц. с., стр. 382—383.

направлялись, и въ связи съ этимъ тамъ сходились всѣ фонетическія теченія, вліявшія на преобразование звукового облика племенного названія *Ugas* и на народженіе ряда разновидностей и его, и происходящихъ отъ его основы сродныхъ терминовъ, осѣдавшихъ въ географической номенклатурѣ края. И безъ какой либо дѣльной системы, дающей возможность классифицировать эти сродные термины, нельзя подходить ни съ какой, даже самой незначительной, поправкой ни къ одному изъ нихъ.

§ 11. Намъ интереснѣе сейчасъ остановиться на основѣ термина *Etrusk*, если за послѣднимъ яфетидологическимъ его анализомъ придется признать пальму первенства. Чистая основа термина въ такомъ случаѣ *gus-*. Отсюда естественный вопросъ, не имѣемъ ли въ основѣ латинскаго названія города въ Этруріи *Rusellae* этрусской формы *R.* падежа на *-el* (ср. *-l*) — *Rus-el-* отъ этого именного этническаго термина *gus-*? Во всякомъ случаѣ основа *gus* термина *Et-gus-k* съ основой *gas* наименованія *Ras-en-a*, какое давали себѣ сами этруски, находятся въ соотношеніяхъ групповой перегласовки шипящаго (*o*→*u*) и свистящаго (*a*) типовъ въ яфетическихкихъ языкахъ. Если бы латинскій алфавитъ располагалъ для этого средствами, мы имѣли бы и шипящій вм. свистящаго именно въ *Etrusk*, который долженъ былъ звучать *Etrushk*, какъ находимъ поддержку для этой первоначальной черты звукового облика основы *-tush* въ египетскомъ преданіи *Ti-ush-a* или *Tush-a*¹. И потому еще острѣе чувствуется потребность въ отвѣтѣ, нѣтъ ли данныхъ для продолженія въ глубь яфетическихкихъ нѣдръ на востокъ той линіи движенія этрусковъ съ востока на западъ, которая и исторически, и по номенклатурной палеонтологіи насъ приводитъ къ малоазійскому этапу въ Лидіи.

§ 12. Нѣмецкому ученому Борку линія связи представлялась достигающей отъ Этруріи до Элама. «Не только», писалъ онъ въ рецензіи на работу *A. Fick'a*², «повторно всплываютъ въ діалектически оттѣненныхъ формахъ (*in mundartlich abgestuften Formen*) тѣ же самыя названія божествъ *Tarku* (*Tarqu* [*a* не *Tarhu* = *Tarhu*] *Turgu*) и *Temur* (*Trebos*, *Tigum*) на всемъ пространствѣ отъ Этруріи вплоть до Элама, но прослѣживается также въ широкомъ распространеніи рядъ созвучныхъ образовательныхъ элементовъ ономастикона, такъ агі *davatt* и *kil*»³. Если бы Боркъ былъ знакомъ съ основными положеніями яфетической теоріи, то онъ могъ бы глу-

¹ W. Max Müller) (ц. с., стр. 383, пр. 2) появление ш вм. з считаетъ результатомъ особенности транскрипціи египетскими сибиллянтами (тамъ же, стр. 372, пр. 4).

² *Hattuden und Danubier in Griechenland. Weitere Forschungen zu den «Vorgriechischen Ortsnamen»*, Геттингенъ 1909.

³ *OLZ*, XV (1912), 6, стр. 263.

хую ссылку на вообще «диалектическую дифференціацію» замѣнить указаніемъ на опредѣленное морфологическое расхожденіе двухъ основныхъ видовъ въ приведенныхъ имъ разновидностяхъ названія божества по образованію формы съ помощью показателя множественности, по появленію функциональных согласныхъ въ роли 3-го коренного, въ одномъ видѣ — заднеязычнаго показателя множественности (k→g, q), это въ названія божествъ Тагku, Tuggu, Тагqи, въ другомъ случаѣ — губного показателя множественности (m ↗p→b) (это въ названіяхъ божествъ Тігum, Тешур, Треш-). Вопросъ лишь въ томъ, исключать или нѣтъ изъ ряда второго вида Тешub, поскольку его отождествляли (отожествляя и я) съ халдскимъ Тешba, между тѣмъ Тешba составное слово: второй своею частью -шba←-ushba оно имѣетъ неразрывную связь съ арм. Уш-ар || Ош-ар или арм. vш-ар || г. вешар, яфетическимъ божествомъ-рыбою¹, какъ то уже разъяснено мною въ печати. Противъ разлученія эламскаго Тешур съ халдскимъ Тешba и включеніе его, Тешур, въ кругъ перечисленныхъ разновидностей названія божества вида съ губнымъ показателемъ множественности мы не имѣли бы особыхъ возраженій²: Тешba и Тешур оставались бы въ одномъ кругу лишь по сродству окончанія мн. числа -ba→-ра термина съ функциональнымъ согласнымъ показателемъ также множественности, обратившимся въ 3-ій коренной въ Тешур и его разновидностяхъ. Въ остальномъ же, наоборотъ, есть яфетидологическія данныя и лингвистическія и этнологическія въ пользу такого опредѣленія термина Тешур, да и вообще у него въ такомъ случаѣ оказалась бы болѣе многочисленная родня, чѣмъ названная въ перечнѣ Борка, притомъ объединяемая общностью этого же божества, уже по линіи съ сѣвера на югъ, отъ Кавказскихъ горъ до Палестины.

Возраженіе имѣемъ мы лишь противъ того, чтобы неправильное использование видового термина хатты въ общемъ расовомъ значеніи, какъ то со многими другими дѣлалъ А. Fick, исправлять такимъ же неправильнымъ употребленіемъ термина «кавказцы». Такая поправка ввела бы ту же постановку частного вм. общаго съ другого конца. Терминъ «кавказцы» также отнюдь не столь общій, къ тому же, какъ выяснено нынѣ номенклатурной палеонтологіею, «Кавказъ» опредѣленное видовое племенное названіе, притомъ гибриднаго типа.

Дѣла не мѣняетъ, когда и Fick и, повятно, Боркъ съ ссылкой на «важныя работы» Каннегиссера признаютъ, что «кавказскій слой имѣетъ

¹ Н. Марръ, Надпись Русы II изъ Маку (ЗВО, XXV) стр. 44—46, et pass.

² Въ цитованной работѣ у насъ было уже колебаніе, чѣмъ и вызывалась слѣдующая фраза (стр. 44): «Отожествленіе, которое дѣлалось кунееологами съ божествомъ Тешур, богомъ стихій и бури, такимъ образомъ получаетъ какъ будто и лингвистическую поддержку въ фонетикѣ халдскаго языка».

отношеніе къ Этруріи»¹. Яфетическіе языки отнюдь не прикрѣплены къ Кавказу, не являются порожденіемъ кавказской почвы, а яфетидология и въ кавказскихъ и внѣ-кавказскихъ яфетическихъ народахъ и языкахъ строго разграничиваетъ родовое отъ видового, а равно — территориальную дифференціацію отъ племенной, не отказываясь отъ признанія особыхъ геоэтническихъ единицъ, особенно, когда рѣчь идетъ о такой доступной реальному непосредственному наблюденію населенной территории, какъ Кавказъ, но пышное сосредоточеніе яфетическихъ племенныхъ названій, если не исчерпывающая полнота ихъ въ предѣлахъ Кавказа побуждаетъ вести настойчивую работу по опредѣленію именно спеціальнаго значенія отдѣльных племенныхъ названій, обосновать ихъ классификацію прежде всего на строго формальныхъ основаніяхъ номенклатурной палеонтологіи, насколько компетентна лингвистическая наука и позволяютъ дѣлать это ея яфетидологическія достиженія. Забѣгать въ лингвистическія разысканія фактами культурно-исторического значенія, изъ мало и неравномѣрно освѣщенныхъ еще областей, также нецѣлесообразно, какъ выводамъ яфетического языкознанія придавать обратно преувеличенное значеніе въ опредѣленіи памятниковъ матеріальной культуры и ихъ археологической или историко-художественной классификаціи. Сведеніе результатовъ этихъ разностороннихъ изслѣдовательскихъ подходовъ для концентраціи всѣхъ спеціальныхъ изысканій въ рѣшеніи общаго вопроса дѣло послѣдующаго момента.

Такимъ образомъ, минуя пока не разъясненныя и политическія и культурно-историческія связи Лидіи съ близкимъ къ ней хеттскимъ и особенно съ болѣе отдаленнымъ халдскимъ (ванскаго царства) и эламскимъ національными мірами, мы остановимся на хорошо извѣстномъ пути, по которому съ ранняго средневѣковья просачивались переселенческія струи армянскаго населенія территории, освященной еще строительствомъ халдскихъ царей въ бассейнѣ Вана и прилежащихъ краяхъ.

По разрушеніи южно-армянскаго средневѣковаго царства на берегу Ванскаго озера, оттуда по тому-же пути хлынули уже переселенческія волны дѣльными руководящими общественными слоями и классами, которыя нашли стоянку для перваго своего строительства въ Киликіи. Однако основанію средневѣковаго колоніальнаго армянскаго царства въ этомъ районѣ предшествовала долгая земледѣльская миграція армянскаго племени. Въ VI-мъ вѣкѣ армяне-земледѣльцы еще южнѣе, близъ Антиохіи, были бытовымъ явленіемъ края, работая косарями, какъ то свидѣлствуется въ житіи Симеона Дивногорца. Продвиженіе въ Киликію населенія средневѣковой Арменіи опиралось на его вѣками предшествовавшее влѣденіе въ

¹ OILZ, XV (1912), ц. м.

арамейскія страны, въ Месопотамію и Сирію, дѣлившіяся и раньше между семитами и яфетидоидами, а еще раньше — яфетидами, какъ спорное достояніе. Общее съ Сиріею начало политической жизни въ историческомъ самосознаніи христіанской Арменіи покоится, даже въ легендарной его части, на реаліяхъ, дѣйствительно объединявшихъ армянъ или арамидовъ съ арамейцами, пережиточно сохранившимися уже не изъ легендъ, а изъ подлинной жизни общность племенного названія, притомъ терминъ агат|| агшеп — наслѣдіе господствовавшего въ краѣ яфетическаго населенія, во всякомъ случаѣ элементъ, усвоенный семитами отъ яфетидовъ, а не наоборотъ. Населеніе Кавказа, прежде всего его юга, юга Арменіи входило какъ на родную территорию въ семитизованный впоследствіи арамейскій районъ, и съ нимъ туда-же вносились, смотря по эпохѣ, въ качествѣ мѣстнаго племенного населенія яфетическіе и другіе этническіе термины, не менѣе для своего времени громкіе, чѣмъ арамеи.

Позднѣ сравнительно яфетидоидное населеніе древней и средне-вѣковой Арменіи лишь шло по стопамъ яфетидовъ, первыхъ насельниковъ Арменіи. Со стоянки въ Киликіи и средне-вѣковое армянство имѣло боковое на сѣверъ движеніе. Путь черезъ Малую Азію, Бруссу, съ юга на сѣверъ, на сѣверное побережье въ предѣлы древней Фракіи, въ Крымъ, въ Польшу былъ вбирающимъ переселенческія волны юга Арменіи. Объ этомъ говорятъ не только лингвистическіе факты, армянскіе говоры соответственныхъ районовъ армянскихъ колоній, но и предметы матеріальной культуры, между прочимъ вносившіеся армянами, какъ то выяснялъ І. А. Орбели¹, навыки и техника армянскаго мастерства по серебру.

Мы не будемъ злоупотреблять аналогіею въ направленіи средне-вѣковаго миграціоннаго движенія на западъ, достигшаго въ особыхъ условіяхъ политической жизни соответственныхъ эпохъ сѣвера Апеннинскаго полуострова, уже сѣверной Италіи, именно, Венеціи, черезъ островъ Кипръ и югъ Балканскаго полуострова — Морею. Но въ направленіи на востокъ, какъ изъ Киликіи въ средніе вѣка, такъ въ архаичныя времена изъ Лидіи искомая линія движенія этрусковъ, достигавшихъ въ своемъ движеніи на западъ Апеннинскаго полуострова, могла-бы быть продолжена до бассейна Ванскаго озера.

Здѣсь, дѣйствительно, находимъ мы яфетическое племя гиз или гиш (←*гош), предшественниковъ племени халдовъ. Это то племя, названіе котораго въ формѣ мн. числа на t (гиш-t) унаслѣдовано было армянскимъ княжествомъ Раш-t-uni (←Ruш-t-une); отъ его основы образованъ бы-

¹ І. А. Орбели, Два серебряныхъ ковша, XV, V, 1.

товой терминъ, названіе обуви ґәш-ік, сохранившійся на мѣстѣ до нашихъ дней. Особенно важно отмѣтить, что той-же основы съ префиксомъ и, какъ въ U-ḡartu, т. е. отъ темы и-ḡш образовано племенное названіе и-ḡш-ік, въ мѣстномъ діалектическомъ проізношеніи w-ḡш-ік, изъ этническаго термина обратившееся въ социальный и означающій, какъ то любезно сообщилъ І. А. Орбели, «крестьянинъ», «мужикъ» и т. п.¹, т. е. какъ въ одной части Арменіи этническій терминъ օղա-ік, пережитокъ племенного названія «арамей» || «армянинъ», обращенъ въ социальный терминъ, названіе поработочнаго этническаго слоя, некогда славнѣйшаго, такъ въ другой части на югѣ наблюдаемъ то-же самое съ терминомъ wḡш-ік, пережиткомъ племенного названія также въ свое время прославленнаго народа, также наслѣдія племени, нисколько не менѣ важнаго, чѣмъ армяне и арамеи, также своимъ именемъ объединявшаго, какъ увидимъ, если и не своей сущностью, кавказскій край съ сирійскимъ, Арменію съ арамейскими землями, но въ болѣе древнее время, чѣмъ дата культурно-исторической роли армянъ и даже арамеевъ.

Съ перерожденіемъ сибиланта ш основы ḡш въ плавный г разновидность ḡur- мы имѣемъ въ основѣ названія страны съ префиксомъ и- и суффиксомъ -da— U-rur-da, какъ то свидѣтельствуется халдской надписью ванскаго царя. Халдскія надписи по этому вопросу интересны для насъ еще тѣмъ, что они сохранили въ формѣ Rus-a имя ванскаго царя, извѣстнаго по ассирійской передачѣ въ видѣ Urs-a: имѣемъ-ли въ имени наше племенное названіе или стоящее въ связи съ нимъ нарицательное имя ḡos (авар.) *человѣкъ* или нѣтъ, для насъ важно свидѣтельство изъ нашего района о перемѣщеніи ḡus-a въ urḡ-a въ параллель фонетическому явленію Etrus-k || Turs-en. Итакъ и это южно-малоазійское преданіе въ разновидностяхъ нашего племенного названія поддерживается уже первоисточникомъ, безспорнымъ яфетическимъ Востокомъ. На этомъ-же яфетическомъ Востокѣ налицо и другая особенность южно-малоазійскаго преданія, перемой сибиланта въ спирантъ.

Широкое распространеніе спирантныхъ языковъ яфетической семьи на югѣ подтверждается и особенностями халдскаго языка. И въ порядкѣ гибридизаціи рядомъ съ Aḡas-ḡ || Erasḡ халдскія надписи удостовѣряютъ еще для IX-го в. до Р. X. форму Eḡa-ḡim (*Eḡah-ḡim-ı), причемъ спирантъ самъ безслѣдно исчезаетъ уже тогда. Весьма рано именно на югѣ застрявшее племенное названіе шипящаго типа mshk ← mshk переродилось въ mok, и потому мы въ правѣ искать для одной изъ южно-яфетическихъ

¹ Съ тѣмъ же значеніемъ и ḡashuni записано І. А. Орбели со словъ агулскаго армянина.

разновидностей нашего этнического термина, исторически важной, именно Rəmtum (←Ruhtum) спирантный двойник Rətuni или Rətunu (←*Ruh-tum), что действительно на лицо в этнических терминах юга как одно из важнейших племенных названий района, впоследствии объединявшегося разновидностями другого уже пережиточно общего этнического термина — армяне || арамеи. Терминъ Rṯnu это болѣе древнее названіе Сиріи по египетскимъ источникамъ. Это именно племенное названіе, и мы не видимъ никакого основанія признавать ошибкой соотвѣтственное употребленіе, и вмѣсто того, чтобы дать слову природную огласовку, согласованную съ огласовкой его армянскаго эквивалента Rəmtum, читать его reṯān для того только, чтобы въ немъ усмотрѣть, какъ то дѣлаетъ Müller, сем. ʃṯṷ языкъ, и названіе страны понимать въ смыслѣ «страны языка», понятнаго, «родины» и т. д.¹ Детерминативъ острова (○) при племенномъ названіи Rṯnu, если-бы онъ оказался действительно наличнымъ, указывалъ-бы на извѣстность этого яфетическаго племени и на островахъ, что, понятно, и безъ того не подлежитъ сомнѣнію, разъ они соплеменники тиреновъ и этрусковъ.

Въ Сиріи основа этого термина, какъ племенное названіе, пережила въ устахъ мѣстнаго населенія и ближайшихъ сосѣдей какъ названіе населеннаго пункта, она налицо именно въ восточныхъ разновидностяхъ названія Эдессы: это арб. Ruha (Al-ruha), сир. Urhau, арм. Urha, послѣднія двѣ съ той перестановкой, которая представляетъ параллель uḡs вм. uḡs въ сибилантныхъ разновидностяхъ. Съ такой-же перестановкой та-же основа uḡh, съ потерю спиранта, на лицо въ названіи рѣки Евфрата, архетипъ котораго *Re-urh-at, наличный въ египетской транскрипціи въ видѣ P1-ur-at, съ перестановкой e въ префиксѣ *Er-ur-at, откуда грецизованный Εὐφράτης, асс. Puratu, Pratu и т. д. Пережитокъ того-же термина съ глухимъ губнымъ m, а не мусульманское имя имѣемъ въ названіи части того-же Евфрата у армянъ и турокъ=Murad (←Me-urh-at). И здѣсь пережитокъ чередованія префиксовъ me- /re-*. Съ другой стороны, основа uḡs (uḡh) →urḡ имѣетъ, по корреспонденціи групповой перегласовки шип. u (←o) || свист. a, параллельную разновидность uas (uḡh) →uag, откуда U-uḡh-tu U-uḡh-tu, равно A-uḡh-at и т. п.² Въ самой Арменіи палеонтологически мы встрѣчаемъ uas→uat въ географическихъ названіяхъ, такъ въ названіи рѣки A-uḡh-ā, равно A-uḡh-an-i, названіи того-же Евфрата и т. п.

Такимъ образомъ уже въ первоисточникѣ, до котораго мы пока въ

¹ П. с., стр. 147.

² Н. Марръ, Надпись Сардура II, сына Аргиштиа, въ Даш-керпи, на Чалдирскомъ озерѣ (Записки Кавказскаго Музея, Серия В. — I), Петроградъ 1919, стр. 10 сл.

силахъ добраться, располагая лишь морфологическими данными термина, мы имѣемъ не только ту-же самую основу племенного названія, но его двѣ основныя разновидности по групповой перегласовкѣ u ($\leftarrow o$) $\parallel a$ — $guš$ ($guš$) $\parallel gas$, какъ на Апеннинскомъ полуостровѣ въ предѣлахъ этрускаго населенія — $guš \parallel gas$, а равно его перемѣщенную разновидность $uŋš \parallel uŋs$ по сибиллянтной породѣ, какъ также и по спирантной породѣ и первичную guh , и перемѣщенную $uŋh$ ($\rightarrow uŋ$) разновидности, а равнымъ образомъ двойное образованіе мн. числа при помощи той-же пары показателей множественности, въ бассейнахъ Ванскаго озера и Аракса въ видѣ $-q$ и $-ap$, а на Апеннинскомъ полуостровѣ въ видѣ $-k$ и $-ep$. Расхожденіе лишь въ префиксахъ, да и здѣсь не вполне; такъ огласовка префикса не чужда этому племенному названію въ бассейнѣ Аракса, когда отъ основы по спирантной группѣ на халдскомъ языкѣ подписей ванскихъ царей образуется $E-ga-ŋi$ ($\leftarrow *E-gah-ŋi \parallel E-gas-ŋi$), герс. $E-ga-ŋin$ (графич. $E-ŋi-a-ŋi$ или $E-ŋi-a-ŋi-n$), да и архетипной разновидности термина $*Eр-urh-at$, отложившейся въ названіи рѣки. Изъ первоисточника, Ванскаго района, могъ простекать и показатель множественности k въ терминѣ $Et-gus-k$, но въ такомъ случаѣ, какъ понять, что на промежуточной стоянкѣ, въ Лидіи, этого образовательнаго элемента въ племенномъ названіи, собственно его отложенія нѣтъ, да и вообще египтяне знаютъ его безъ того-же суффикса, точно это не южная форма. Это для насъ камень преткновенія.

§ 13. На яфетическомъ востокѣ однако этнической терминъ имѣеть еще одинъ основной видъ, именно корень съ перерожденіемъ g въ l : $l-s \rightarrow l-z$. Въ Италіи какой-либо мѣстной формы отъ этого корня мы не находимъ, во всякомъ случаѣ ее не видать какъ на ладони подобно кавказскимъ разновидностямъ, присходящимъ отъ корня $g-s$, герс. $g-ш$. На Кавказѣ, наоборотъ, племенные названія или отложенія ихъ въ географической номенклатурѣ отъ корня $l-s \rightarrow l-z$ многочисленны, однако главнымъ образомъ въ сѣверной части Кавказа или прямо-таки на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ скрещеніе съ языками спирантной вѣтви породило рядъ разновидностей или по спирантной перегласовкѣ (e вм. a) или по перебою сибиллянта ($s \rightarrow z$) въ исчезающій спирантъ ($h \rightarrow j$) или въ силу скрещеннаго воздѣйствія обоихъ фонетическихъ законовъ, такъ мы имѣемъ съ префиксомъ $a-$ названіе рѣки $A-laz-ap$, отложеніе племенного названія въ материково-перевальномъ районѣ Кавказскаго хребта съ суффиксомъ мн. числа $-ap$, двойникомъ $-ep$, наличнаго въ $Ras-en-a$, племенныя названія и этно-культурные термины — $lāzğ$ *лезингъ*, г. $lesk-ur$ *сабля* (букв. «лезинское оружіе»), $*lez-gi \rightarrow leq + z + 1$ (арм.) *лезингъ*, кази-кум. laq ($\leftarrow *lahq$) *лакъ*, *кази-кумузъ*, г. lek ($\leftarrow *lehk$) *лезингъ*, $lek-ur$ ($\leftarrow *lehk-ur$) *лезинка* (букв. «лезинскій танецъ»), *сабля*

(букв. *лезгинское оружіе*) и др. Здѣсь, на Сѣверномъ Кавказѣ, господствуютъ образованія съ показателемъ множественности $k \rightarrow g$, но ни одно изъ нихъ, повторяю, не прослѣживается на Апеннинскомъ полуостровѣ, поскольку оно несется яфетическимъ племенемъ съ послѣдней своей стоянки въ бассейнѣ Каспійскаго моря. Чтобы съ при-каспійскаго края достигнуть такой дали, терминъ долженъ былъ обязательно пропутешествовать по сѣверному пути и еще до исчерпанія яфетическаго и по нынѣ района пройти два лингвистическихъ средостѣнія, сванское, тогда переливавшееся и на сѣверъ, и абхазо-дзихское (абхазо-адигейское или абхазо-черкесское), если не касаться смежнаго чеченскаго міра—материково-перевальнаго. Слѣдовательно, та или иная разновидность сѣвернокавказскаго типа могла перестроиться въ новую форму, получивъ или въ сванской средѣ префиксъ *le-* или въ абхазо-дзихской средѣ префиксъ *re-*, однако и такихъ новообразованій мы не находимъ достигшими Апеннинскаго полуострова, точно Балканскій полуостровъ перехватилъ эти сѣверныя переселенческія волны этрусковъ или урартійцевъ, поскольку получившіе при-каспійское и сѣверно-кавказское крещенія ихъ сородичи по общему въ корнѣ наименованію *lazg* (\leftarrow las-k) въ абхазо-дзихской формѣ *re-lazg* (чит. или *re-lask* или *re-lazg*) или *leg'ы* (\leftarrow le^гh'k-и) въ сванской формѣ *le-leg*, проникнувъ на этотъ уже европейскій полуостровъ, входили въ составъ первоначальнаго населенія его территоріи, имѣли уже отсюда распространеніе на другіе острова, въ числѣ ихъ и на Критъ, да съ моря и на сосѣдній полуостровъ.

Разумѣется, пеласги такимъ образомъ съ Балканскаго полуострова также распространились на острова, заселили вмѣстѣ съ яфетидами и Апеннинскій полуостровъ, но все-таки, насколько яфетидологическому анализу и исторіи заявшаго насъ племеннаго названія можно придавать реальное значеніе, картина намѣчается така: этруски съ юга Кавказа, изъ предѣловъ бассейна Ванскаго озера, сдѣлавъ этапъ въ Лидіи, двигаются Средиземнымъ моремъ на Апеннинскій полуостровъ, а ихъ сородичи съ сѣвернаго Кавказа *лазги* или *relazg'i* || *le-leg'i* по сѣверному пути, Чернымъ моремъ или по сѣверному его побережью, вливаются въ предѣлы Балканскаго полуострова. Далѣе ихъ встрѣчи на островахъ, да и на Апеннинскомъ полуостровѣ. Въ этихъ встрѣчахъ однако для насъ ближайшій интересъ можетъ представить лишь одна. Это та встрѣча, которая знаменовала-бы не выявленіе культурно-исторической роли той или иной страны, уже окончательно сформировавшейся національно, а схождение линій ихъ переселенческихъ движеній въ эпохи этногеническія еще для средиземноморскихъ народовъ Европы. Узловымъ пунктомъ такой встрѣчи по физико-географическимъ условіямъ выступаетъ территоріальная полоса у схождения Чернаго моря съ Эгейскимъ.

Если неизбежны были наплывъ переселенческихъ волнъ сѣверно-кавказскихъ яфетидовъ, то сюда-же была естественная тяга эмиграціонныхъ массъ южно-яфетическаго района по стезямъ, указуемымъ движеніемъ эпиготовъ, уже ариоевропеизированныхъ армянь, въ средніе вѣка. И здѣсь интересно прослѣдить соотвѣтственное схождение и мѣстами скрещеніе двухъ фонетическихъ теченій въ различныхъ оформленіяхъ нашего этническаго термина. Съ юга имѣемъ окающія разновидности, съ сѣвера — акающія, на югѣ больше и раньше, чѣмъ на сѣверѣ улавливается воздѣйствіе звуковой природы спирантныхъ яфетическихъ языковъ, а на сѣверѣ болѣе ярки морфологическія черты сѣвернаго приморскаго теченія, заднеязычное образованіе мн. числа, здѣсь, на приморскомъ сѣверѣ и на каспійскомъ и понтійскомъ, пережившее до нашихъ дней, и губной показатель префиксоваго производства, но уже на лицо факты скрещенія, свидѣтельствующіе о вращеніи сѣверныхъ яфетидовъ, балканскихъ, въ среду южныхъ, малоазійскихъ. Потому-то съ формою *Tigas*, до-плѣннымъ библейскимъ терминомъ, и его традиціоннымъ обликомъ начертательнымъ и произносительнымъ надо быть чрезвычайно осторожнымъ. Въ немъ драгоцѣнна именно его огласовка «а», какъ безспорный характеръ сѣвернаго фонетическаго теченія. Префиксъ для сѣвера вмѣсто зубного $\Theta e - \parallel \Theta i -$ могъ-бы быть съ еще большимъ основаніемъ губной $Mi - \nearrow Pe - \parallel \Phi i$. Еще больше даетъ чувствовать себя отсутствіе сѣвернаго фонетическаго показателя множественности — заднеязычнаго: ожидаемое съ нимъ образованіе $\Theta gas - k$ впрочемъ на лицо въ спирантной разновидности $\Theta g\bar{a} - k$, сохраненной греческимъ $\Theta\rho\acute{\alpha}\chi\eta$, $\Theta\rho\acute{\alpha}\zeta$ и т. п. На югѣ та же форма съ эквивалентнымъ губнымъ префиксомъ ϕ даетъ основу съ перегласовкой по южной окающей нормѣ $-gi$ въ этническомъ названіи * $\Phi - giuh - g$, сохраненномъ греками въ $\Phi\rho\acute{\upsilon}\zeta$, $\Phi\rho\acute{\upsilon}\gamma\epsilon\varsigma$, названіи по ихъ преданію племени еракійскаго происхожденія или соплеменниковъ еракійцевъ. На южной сторонѣ интересъ еще болѣе непосредственный для нашего вопроса представляетъ разновидность съ глухимъ зубнымъ префиксомъ при окающей основѣ безъ заднеязычнаго показателя множественности — $Tr\phi - \acute{\alpha}\varsigma \parallel Tr\omega i - \acute{\alpha}\varsigma$ съ эпонимнымъ основателемъ $T - g\bar{o} - s$ ($Tr\acute{o} - \varsigma$) и племеннымъ названіемъ $T - g\bar{o} - es$ ($Tr\acute{o} - \epsilon\varsigma$), у носителей котораго, по лучше освѣдомленному этнографически географу, такъ много было общихъ именъ съ еракійцами и которые, съ другой стороны, у трагиковъ выводились подъ именемъ фриговъ. Мы не предпрѣшаемъ вопроса, на какой почвѣ произошло перерожденіе сибилантовъ $s \parallel \psi$ въ спиранты $h \parallel s$ и въ архетипѣ $T - goh$ и въ архетипѣ $Ti - gas$, и растяженіе гласныхъ въ возмѣщеніе утратившагося спиранта, но историческая фонетика яфетическихъ языковъ повелительно требуетъ признанія именно выставляемыхъ нами архетиповъ $T - goh$

(←*Et-гош) и T1-gas, а затѣмъ съ послѣдующимъ наростомъ заднеязычнаго показателя множественности k *Et-гош-k (←Te-гош-k) || *T1-gas-k. Схожденіе въ Италіи двухъ разновидностей племеннаго названія Et-rus-k || Ras-en-a, повторяя соотношенія основъ тѣхъ-же формъ въ огласовкѣ, воспроизводя цѣликомъ архетипъ окающей стороны *Et-гош-k, оставляетъ безъ соответствія форму Ras-en-a. И такъ какъ у его суффикса имѣется двойникъ въ южно-яфетическихъ разновидностяхъ Турстуноі, Туррѣноі, то на лицо съ сѣверно-яфетической основой gas обратное скрещеніе съ южно-яфетическимъ образовательнымъ элементомъ, а это говоритъ о вхожденіи этрусковъ въ Италію въ двѣ различныя эпохи и во всякомъ случаѣ изъ двухъ различныхъ этаповъ послѣдняго ихъ стоянія на пути въ Италію¹.

Съ этническимъ терминомъ lask || la^hk (←lak→lağ→lag) на кавказской яфетической почвѣ находится въ неразрывной «племенной» связи одинъ важный для вопроса орнитологической терминъ — названіе аиста. Семасіологически использованіе одной и той же основы в значеніи названія и племени и птицы объясненіе можетъ найти у насъ лишь въ тотемѣ. Морфологически наше названіе птицы представляетъ четырехсогласный корень отъ состава спирантной разновидности по типу удвоенныхъ корней съ двумя первичными согласными². Это у грузинъ lak-lak-1 (↘lak-lak-1 || →lag-lag-1 *аистъ*). И простая основа въ видѣ lağ-1 сохранилась въ значеніи эпического термина, эпитета героевъ, который приходилось переводить то въ значеніи *гордаго*, то въ значеніи *веселаго*³, и все какъ то не попадъ, потому именно, что пережиточно въ психологіи даже средневѣковыхъ грузинъ, слышавшихъ народно этотъ терминъ въ качествѣ эпитета прилагательнаго и

¹ До-греческая лемноская надпись, на значеніе которой, какъ признаваемой большинствомъ этрусколовъ этрусской, для нашей темы обратилъ любезно мое вниманіе С. А. Жебелевъ, возбуждаетъ слишкомъ много вопросовъ, чтобы осложнять наличными въ литературѣ расходящимися результатами ея изученія настоящей опытъ чисто терминологическаго изысканія на совершенно независимой палеонтологической основѣ яфетическаго языкованія. Съ другой стороны, я лично недостаточно освоился еще съ техникой этрускологической работы, чтобы выступать съ собственнымъ освѣщеніемъ памятника, хотя фактически и весьма благоприятнаго для нашей точки зренія, но вызвавшего съ самаго начала, какъ теперь мнѣ стало извѣстнымъ, черезчуръ разнорѣчивыя толкованія и сужденія; ср., напр., отношеніе С. Pauli къ работѣ Bugge, Der Ursprung der Etrusker durch zwei lemnische Inschriften erläutert, какъ то явствуетъ изъ его Vorrede въ Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos (Altitalische Forschungen, II B., I Abteilung, Leipzig 1886).

² Н. Winckler'омъ это обычное въ яфетической морфологіи явленіе, не чуждое и семитическимъ языкамъ, было использовано въ обоснованіи родства эламскаго языка съ «кавказскими», но примѣры, приводимые имъ, требуютъ пересмотра и отбора (Elamisch und Kaukasisch, OZ, 1907, № 11, стр. 568—570).

³ Притомъ всегда съ исканіемъ опоры въ иранскомъ мірѣ, вѣсьма пропитанномъ яфетидизмами, требующемъ разъясненія именно яфетидологическаго (ср. Н. Марръ, Вступительныя и заключительныя строфы Витязя въ барсовой кожѣ Шоты изъ Рустава, Спб. 1910, стр. IX, прим. 1).

употреблявшихъ еще его письменно въ томъ же значеніи, съ нимъ соединялось, по всей видимости, представленіе о чемъ то особо важномъ (→гордомъ), счастливомъ, (→веселомъ), священномъ. Что порода цапель въ яфетическомъ мірѣ была священная, свидѣтельствуется и кавказскимъ памятникомъ матеріальной культуры: изображеніе журавля, если не аиста, мы находимъ на такомъ архаичномъ культовомъ памятникѣ, какъ каменный вишань-рыба. Лексически основа представлена и на Кавказѣ значительно богаче у яфетидовъ, даже въ формахъ отъ разновидности сибилантной вѣтви (la^ɣv¹ǰ=laɣǰ- и т. п.).

Отъ сибилантной разновидности laɣ мы имѣемъ за предѣлами Кавказа у грековъ не только племенное названіе Pe-laɣ, но и названіе птицы pe-larǰ (πελαργός) *аистъ*, на какой бы почвѣ ни считать происшедшимъ перерожденіе s въ r (въ яфетической фонетикѣ оно обычно)¹.

Священность, боѣ того тотемизмъ термина аистъ на Балканскомъ полуостровѣ достаточно выяснена S. Reinach'омъ въ слѣдующихъ строкахъ²: «Будучи священной птицей въ Фессалии, гдѣ умерщвленіе аиста шло за такое же преступленіе, какъ человекоубійство (Пс. Аристот., *Mirab.*, 23, 832), аистъ былъ также священенъ на Акрополѣ Афинъ съ самыхъ древнихъ поръ, свидѣтельствомъ чего является такъ называемая *пеласгическая* стѣна, про которую еще современники Аристофана знали, что она раньше именовалась Pelargikon, стѣной аистовъ (Аристоф., *Птицы*, 869, 1139). Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые допускаютъ историческую реальность пеласговъ, и мною даны въ другомъ мѣстѣ обоснованія мнѣнія, что ихъ названіе, какъ и названіе аистовъ Θρακίη, было ни чѣмъ инымъ, какъ названіемъ ихъ священной птицы — аиста»³.

Для реальной культурно-исторической поддержки нашихъ лингвистическихъ палеонтологическихъ изысканій по этнической терминологіи, необходимы главнымъ образомъ свидѣтельства памятниковъ матеріальной культуры. Показанія письменныхъ источниковъ имѣютъ для затрагиваемыхъ нами эпохъ подсобное, но второстепенное значеніе. Но и свидѣтельства исторической и особенно прото-исторической матеріальной культуры должны быть установлены независимо. Я коснусь лишь двухъ деталей.

¹ См. выше стр. 330. Думаю, современный лингвистъ не долженъ быть склоннымъ не только отстаивать, но и предлагать хотя бы съ вопросомъ такую этимологію доисторическаго еще тотемической эпохи слова, какъ «πελιός schwarzblau, ἀργός weiss?» (Prellwitz, *Et. Wb.*, v. v.), и ставеть скорѣе на сторону L. Meyer'a, признававшего его съ индоевропейской точки зрѣнія непонятнымъ; напрасно это «непонятное» однако L. Meyer «съ вѣролпностью» считалъ «составнымъ» (*Hb. d. Gr. Et.*, s. v.: «*Etymologisch nicht verständlich. Wahrscheinlich ein zusammengesetztes Wort.*»).

² *Aetos Prometheus* v. Cultes, mythes et religions, t. III, Парижъ, 1908, стр. 72—73.

³ *Cultes, mythes et religions*, II, стр. 243.

Американская экспедиція (Февр. — июнь 1911) въ дополненіе къ матеріаламъ, побуждавшимъ ставить вопросъ о связи этрусковъ съ лидійской культурой, вскрыла въ откопанныхъ ею золотыхъ украшенияхъ поразительное сходство въ лидійской и этрусской техникѣ золотыхъ дѣлъ мастерства. Для нашего вопроса во всемъ объемѣ, пожалуй, большее значеніе могли бы представить въ результатахъ той-же экспедиціи новыя данныя, касающіяся монументальнаго искусства. «Подъ самымъ нижнимъ рядомъ могилъ попали на стѣны домовъ, нижнія части которыхъ сложены были изъ сырцовыхъ кирпичей («изъ кирпичей высушенныхъ на солнцѣ»), тогда какъ кровли и другія детали состояли изъ кирпичей обожженныхъ (Teggakkottaziegel); послѣдніе, повидимому, были выкрашены и покрыты какой-то глазурью. Эти остатки частью достигаютъ VI-го вѣка до Р. X. (bis ins sechste Jahrhundert zurück)¹. На такую осторожную датировку повліяло, вѣроятно, и то обстоятельство, что «въ числѣ интереснѣйшихъ находокъ въ могилахъ» отиѣчаются «кирпичи или плиты (Ziegelsteine), которые въ большинствѣ принадлежатъ греко-персидскому народу». Любопытно, что и въ Ванѣ сырцовые кирпичи относятъ ученые въ позднѣйшее строительство, въ такомъ строителствѣ на Топрах-Кале въ Ванѣ усматриваютъ наслоеніе даже сасанидской эпохи. Между тѣмъ обстоятельства, вскрытыя именно въ указанномъ пунктѣ раскопками нашими 1916-го года, вынуждаютъ отнести сооруженіе дворца изъ сырцовыхъ кирпичей съ бронзовыми и шлифованнаго камня орнаментными частями къ древнѣйшимъ памятникамъ, быть можетъ, первымъ, монументальнаго искусства халдскихъ царей: этотъ дворецъ, развалины котораго на Топрах-Кале, существовалъ до предполагаемаго разгрома Сардура II-го Тиглатъ-Плесаромъ въ половинѣ VIII-го вѣка. Во всякомъ случаѣ сравнительное изученіе ванскихъ руинъ изъ сырцовъ на Топрах-Кале съ остатками сырцовыхъ-же построекъ въ нижней стратѣ подъ раскопанными въ Сардахъ, въ Лидіи, могилами могло бы дать намъ руководящую нить въ томъ или иномъ смыслѣ, когда намѣчается въ этой малоазійской странѣ звено цѣпи, соединяющей Этрурію съ Кавказомъ. Эта подробность могла-бы представить интересъ въ нашемъ вопросѣ и прослѣживаніемъ соотвѣтственной подробности матеріальной культуры, когда особенно съ одной стороны хеттско-малоазійская обувь и культурно выявляетъ сродныя черты, объединяющія съ этимъ краемъ Этрурію², а съ другой и на западѣ, какъ въ Ар-

¹ Asien Sardes въ *Altertumsberichte* за подписью Wdr въ *OLZ*, XV (1912), 5, стр. 230.

² W. M. Müller, A. u. E., стр. 341, прим.: « . . . merkwürdig ähnlich dagegen auf manchen etruskischen Bildern, Zz. B. auf dem Relief von Caere, Longpérier, Mus. Nap. 88 u. Vergers, L'Etrurie, pl. 9».

меніи нынѣ¹ былъ терминъ отъ того-же племенного названія для обозначенія особой обуви — *Turρηνικά σανδάλια*².

Исторія этническаго термина сама по себѣ, не спорю, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, пока не узнаемъ языкъ племени, названіе котораго анализируется, пока не разъяснены оставленные имъ памятники родной рѣчи въ такой хотя-бы степени, чтобы признать ихъ подсуднымъ яфетидологическому разбору. Однако, во-первыхъ, нельзя считать лишеннымъ своего собственнаго значенія разсмотрѣніе формальной стороны племенныхъ названій, поскольку оно вскрываетъ явленія, общія для всего яфетическаго міра, и свидѣлствуютъ все-таки о наличіи хотя-бы частичномъ въ этрусскомъ звуковыхъ законовъ и морфологическихъ явленій, общихъ съ фонетикой и морфологіею яфетическихъ языковъ. Во-вторыхъ мы далеки отъ мысли искать въ этрусскомъ языкѣ, непременно, примитива-представителя яфетической семьи. Какъ этруски, такъ пеласги и лелеги, не оставившіе намъ письменныхъ памятниковъ, еще на азіатской прародинѣ находились въ условіяхъ, обязывавшихъ пережить процессъ скрещенія и гибридизаціи. И на югѣ, и на сѣверѣ Кавказа тому свидѣтели гибридные языки, яфетическо-аріоевропейскіе, въ числѣ ихъ на югѣ такіе характерные типы, какъ два языка Арменіи, возникшіе въ тѣхъ-же условіяхъ. И если не на этой прародинѣ, то по пути миграціи и этруски и особенно пеласги съ лелегами могли подвергнуться тому-же процессу скрещенія, и влиться въ предѣлы двухъ полуострововъ Европы уже гибридизованными и этнически, и лингвистически. Могло бы оказаться и такъ, что въ моментъ вступленія на почву конечнаго пункта та или иная миграціонная волна отъ яфетидизма сохраняла лишь одно наименованіе. Анализъ племенного названія въ такомъ случаѣ приобрѣталъ бы болѣе самостоятельное значеніе, но и тогда не было бы основанія терять надежду въ плодотворности исканія яфетическихъ элементовъ не только въ перерожденномъ въ языкъ другой семьи языкѣ самихъ яфетидовъ, если племя первоначально было дѣйствительно яфетическимъ и говорило на одномъ изъ яфетическихъ языковъ, но и въ языкахъ сосѣднихъ народовъ, тѣмъ болѣе тѣхъ народовъ, которые дали міру неслыханно пышный расцвѣтъ человѣческой рѣчи на территоріи, унаслѣдованной отъ «исчезнувашаго» культурнаго населенія иного племени. И чудеса, когда они дѣйствительны, имѣютъ реальное оправданіе въ богатыхъ источникахъ матеріальныхъ средствъ, изъ которыхъ создается чудо природы, тѣмъ болѣе такое соціальное чудо какъ міровой языкъ, языкъ міровой обще-

¹ См. выше, стр. 327.

² O. Muller, 272, см. W. M. Muller, A. u. E., стр. 383, п. 3.

ственности, языкъ міровой культуры. Не одни художественныя достиженія эллиновъ въ памятникахъ матеріальной культуры получены усвоеніемъ духовныхъ богатствъ «исчезнувшихъ» творцовъ-народовъ, происходило-ли это усвоеніе подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ совершенныхъ формъ матеріальныхъ памятниковъ ихъ культурнаго наслѣдія или въ силу наслѣдственно сохранившагося накопленія культурныхъ навыковъ древняго народа въ «поглощавшемъ» его скрещенномъ этническомъ новообразованіи. Чтобы реалистически раскрыть матеріальныя условія возникновенія упомянутыхъ социальныхъ чудесъ нашъ этрусскій вопросъ, для освѣщенія подхода къ которому и взята была тема настоящей статьи, надо разбить на двѣ существенно различныя темы, двѣ различныя проблемы. Во-первыхъ, этногенетическая роль урартійцевъ (этрусковъ и пеласговъ) на западѣ въ выработкѣ новыхъ племенныхъ типовъ — греческаго и латинскаго. Во-вторыхъ, культурно-историческая роль націонализовавшихся на западѣ урартійцевъ, именно этрусковъ въ Италію, связь ихъ въ памятникахъ матеріальной культуры въ Передней Азіи, какъ съ западными малоазійскими національными объединеніями, такъ съ позднѣйшими національными единицами въ предѣлахъ кавказскаго яфетическаго міра, на югѣ съ халдами на захваченной ими урартской территоріи, на сѣверѣ, по сѣверному Кавказу, съ рядомъ смѣнявшихся національно-культурныхъ новообразованій на территоріи, унаслѣдованной отъ яфетидовъ, лазговъ или пеласговъ.

Наконецъ, отъ этрускаго и пеласгскаго вопроса, важнаго для этногенети и эллиновъ и сугубо латинянъ, долженъ быть отдѣляемъ іонійскій, съ аспектомъ также двойнымъ, эллинскимъ, іонійско-ахейскимъ и іонійско-греческимъ (іоно-герскимъ), а также чисто кавказскимъ двухстороннимъ, именно армянскимъ—хайо- или ахайо-хайкскимъ (іоно-бас^Гк^Гскимъ) или, въ палачномъ произношеніи термина, сон-мехскимъ (шон-мехскимъ) и грузинскимъ—иверо-чанскимъ (иборо-іонскимъ) или, какъ звучитъ терминъ реально въ живой рѣчи, бер-дзэнскимъ, и ни въ какомъ случаѣ ни на этрусскій, ни на іонійскій, ни на иной частный по существу вопросъ нѣтъ основанія взваливать цѣликомъ всю тяжесть яфетицистической проблемы о средиземноморской культурѣ, о чуждой въ ея созиданіи большой роли народовъ яфетическаго племени, не однихъ пеласговъ-этрусковъ и іоновъ.

Н. Марръ.